

С Л О В О П И С А Т Е Л Я

ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ
НА СЪЕЗДЕ
НАРОДНЫХ
ДЕПУТАТОВ
СССР

Д. ЛИХАЧЕВ

Т. КАМЛБЕРГЕНОВ

Б. ДЛЕЙНИК

Н. ВЛАКОВ

И. ДРУЦЭ

А. ЛИХАНОВ

В. БЕЛОВ...

С Л О В О П И С А Т Е Л Я

ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПИСАТЕЛЕЙ
НА СЪЕЗДЕ
НАРОДНЫХ
ДЕПУТАТОВ
СССР

Москва
«Художественная литература»
1989

ББК 84Р7
С48

Составитель
Г. Иванов

Художественное оформление
С. Биричева

С 4702010201-392 без объявл.
028(01)-89

© Составление, художественное
оформление. Издательство "Худо-
жественная литература", 1989 г.

ISBN 5-280-01337-4

ЛИХАЧЕВ Д.С.

(от Советского фонда культуры)

Уважаемый товарищ президент! Уважаемые товарищи депутаты!

Буду говорить только о состоянии культуры в нашей стране и главным образом о гуманитарной, человеческой ее части. Я внимательно изучал предвыборные платформы депутатов. Меня поразило, что в подавляющем большинстве из них даже не было слова "культура". На самом Съезде слово "культура" было проходным образом произнесено только на третий день. И сейчас об этом говорил Михаил Сергеевич Горбачев.

Между тем без культуры в обществе нет и нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные законы, экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты "строек века" и так далее.

Низкая культура нашей страны отрицательно сказывается на нашей общественной жизни, государственной работе, на наших международных отношениях, так как национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой националь-

ности, к чужому мнению и не агрессивны. Незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие воспитанного культурой общественного такта отрицательно сказывается даже на работе нашего Съезда. Я думаю, это не надо пояснять.

К сожалению, в отношении культуры действует еще "остаточный" принцип. Об этом свидетельствует даже Академия наук Советского Союза, где гуманитарной культуре отведено последнее место. Посмотрите справочник Академии наук. Места русской культуре в нем почти нет.

О крайне низком состоянии культуры в нашей стране свидетельствует, во-первых, состояние памятников культуры и истории. Это перед глазами у всех, и я не буду об этом говорить. Во-вторых, это состояние библиотек и архивов. О последних, кстати сказать, было хорошо написано в предпоследнем номере "Советской культуры". И так дело обстоит как в самых крупных библиотеках, так и в мелких, сельских. В-третьих, состояние музеев, состояние образования, в первую очередь — среднего и начального, где закладывается культура человека.

Начну с библиотек. Библиотеки важнее всего в культуре. Может не быть университетов, институтов, научных учреждений, но если библиотеки есть, если они не горят, не заливаются водой, имеют помещения, оснащены современной техникой, возглавляются не случайными людьми, а профессионалами — культура не погибнет в такой стране. Между тем наши важнейшие библиотеки в Москве, в Ленинграде и в других городах горят, как свечи. В Ленинграде в особенности. Заливаются водой, не имеют современных тушительных средств, не имеют современной аппаратуры, край-

не стеснены в помещениях. Приведу только один пример. Библиотека Ленинградского университета еще в 1900 году ставила вопрос о недостатке помещения, но до сих пор не построено ни одного дополнительного помещения. У нас в стране нет ни одной (ни одной!) библиотеки, полностью оборудованной современной библиотечной техникой. Даже в главной библиотеке страны — имени В.И.Ленина, о которой я особенно забочусь, хотя меня там оскорбляют, возникают мелкие пожары. Сравните с библиотекой конгресса в Соединенных Штатах. Что же говорить о сельских библиотеках? Районные библиотеки часто закрываются (это в Москве, например, Некрасовская библиотека), потому что нужны их помещения для других целей. То же самое в Ленинграде.

Библиотечные работники, обращенные непосредственно к читателю,— я подчеркиваю, что говорю не об администраторах, а о работниках, обращенных непосредственно к читателю,— то есть те, кто должен уметь рекомендовать книгу, не имеют времени сами читать и знать книгу, журнал, ибо влачат полунищенское существование. Можете посмотреть газету "Советская культура" от 23 апреля 1989 года, там все правильно. Средняя зарплата библиотекаря — 110 рублей. Это при средней зарплате 220 рублей в 1988 году. Библиотекари сельских районов, которые должны быть главными авторитетами в селе, воспитывать людей, рекомендовать книгу, получают 80 рублей. Между тем Россия в XIX веке — вопреки мифу о ее якобы отсталости — была самой передовой библиотечной державой мира. Это я могу утверждать, но это я не могу сейчас доказать. Напомню, что в 1918 — 1920 годах на заседаниях Совнаркома вопрос о библиотеках рассма-

тривался тридцать один раз, а если говорить о комиссиях Совнаркома, то больше пятидесяти раз.

Теперь о музеях. Здесь аналогичная картина — допотопная техническая оснащенность. Зарплата работников, обращенных к человеку, к вещам, — не администраторов, а реставраторов, хранителей, экскурсоводов — недопустимо низка. А они, именно они — настоящие энтузиасты, как и "низшие" библиотечные работники. Особенно неудовлетворительно бедственное положение реставраторов — если они не халтурят. Тогда они зарабатывают очень много, особенно в кооперативах.

Мы обладаем несметными музейными богатствами, несмотря на все распродажи, частично продолжающиеся и сейчас. Но положение памятников культуры низко, и мы вынуждены приглашать реставраторов из Польши, Болгарии и Финляндии, что обходится во много раз дороже. В Русском музее в Ленинграде, который, кстати, значительно больше Третьяковки, нет мастеров-реставраторов, так как на нищенскую зарплату не проживешь. То же у реставраторов Кремля. Вчера в обеденный перерыв я ходил в реставрационные мастерские Кремля, лазил по железной приставной лестнице на чердачное помещение. Интересно, кто из министров культуры ходил в эти мастерские? Я думаю, что и забраться им было трудно. Реставратор первой категории Кремля Московского получает 150 рублей. Что значит первая категория реставратора? Это равно доктору наук. Таковы требования к реставраторам первой категории. В Русском музее в Ленинграде нет учеников-реставраторов, потому что в ученики реставраторов не идут — слишком мала зарплата.

Школы у нас — опять-таки та же картина и даже хуже. Детей и педагогов надо сейчас просто защи-

щать. Учителя школ не имеют авторитета, не имеют времени пополнять свои знания. Я могу привести примеры, но не буду. Преподавание душится различными программами, имитирующими командно-административные методы прошлого, регламентирующими указаниями и низкого качества методиками. Преподавание в средней школе — это прежде всего воспитание. Это творчество педагога, а творчество не может быть вне свободы. Оно требует свободы. Поэтому учитель должен вне программы иметь возможность рассказать ученикам о том, что он сам любит и ценит, прививать любовь к литературе, к искусству и так далее.

Отмечу, что сами ученики отмечают эти серьезные недостатки в нашей печати. Учителя в России были всегда властителями дум молодежи. А нынешней учительнице не хватает средств к существованию и к тому, чтобы более или менее прилично одеться.

Вы скажете, откуда взять деньги, чтобы повышать уровень жизни людей, чьи профессии обращены к человеку, именно к человеку, а не к вещам. Я реалист. Рискаю нажить себе врагов среди многих своих товарищей, скажу. Первое. Надо сократить — и очень решительно — чрезвычайно разросшийся и хорошо обеспеченный административный аппарат всех учреждений культуры и министерств. Пусть составители методичек сами преподают по своим методикам и выполняют эти указания, пусть они охраняют памятники, пусть они водят экскурсии, то есть пусть работники министерств работают.

Музеям надо дать средства от доходов Интуриста, которые он получает от наших плохо сохраняемых культурных ценностей. Вчера мне сказали, что Интурист готов давать 20 процентов своих доходов на реставрацию памятников. Это великолепно

ная инициатива Интуриста. Следует ее всячески поддержать и похвалить, чтобы это не осталось только на словах. Необходимо отчислять на культуру больше средств от сокращения военных расходов, о чем говорил Михаил Сергеевич Горбачев, от сокращения материальной помощи другим странам, помощи за счет средств нашего народа, о которой мы мало осведомлены.

Культура не может быть на хозрасчете. Отдача культуры народу, стране — неизмеримо больше, чем от возможных непосредственных доходов библиотек, архивов и музеев, чем от любой области экономики и техники. Это я утверждаю. Но отдача эта дается не сразу. Низкое состояние культуры и нравственности, рост преступности сделают бесплодными, бесполезными все наши усилия в любой области. Нам не удастся реформировать экономику, науку, общественную жизнь, продвинуть перестройку, если наша культура будет находиться на нынешнем уровне.

Надо существенно улучшить работу Министерства культуры. К нам в Фонд советской культуры постоянно обращаются по вопросам, не разрешенным в министерствах культуры. Министерства культуры должны заботиться и о периферии. Мы очень много вывозим выставок за рубеж. Но мы не вывозим выставок в наши периферийные города. У нас огромнейшие запасники в музеях. Но устройство выставок на основе этих запасников в периферийных городах для поднятия культурной жизни, культурных интересов города очень редко и очень слабо осуществляется.

Надо обратить особенное внимание на периферийные музеи, на периферийные и сельские библиотеки. Надо устраивать на периферии постоянные выставки из наших запасников.

Должна быть долгосрочная программа развития культуры в нашей стране, которой нет или по крайней мере она мне не известна. Только тогда у нас не будет национальных споров, свидетельствующих о низкой культуре, зато будет нормальная экономическая жизнь, понизится преступность. Возрастет, в частности, и порядочность общественных деятелей.

Позвольте мне прочесть выдержку из одного письма, обращенного к нашему комсомолу, который особенно должен заботиться о поднятии культуры. Это письмо выражает мнение миллионов наших матерей и педагогов. Цитирую: "Поскольку комсомол всяческим образом пытается показать свою целесообразность и необходимость своего существования в качестве именно общественной организации, то его аппарату и народным депутатам, выбранным по линии комсомола, следует взять на себя всю полноту ответственности за состояние дел в стране, связанных с нарастанием детской безнадзорности. По моему мнению, эти товарищи не имеют права на спокойствие до тех пор, пока хотя бы один-единственный малолетний наш согражданин или согражданка терпят надругательства и принуждения со стороны уже подросших, развращенных нашим обществом и теперь развращающих других подростков. Пора многим гражданам, товарищи, оторваться от своих меркантильных забот, от уютных стульев и кресел и в буквальном смысле спуститься в подворотни, подвалы, а может быть,— и еще глубже, для активного участия в их жизни, с целью прекращения повсеместно происходящих там процессов развращения малолеток".

Судьба Отечества в ваших руках, а она в опасности. Спасибо за внимание.

КАИПБЕРГЕНОВ Т.

*(Ходжейлийский национально-территориальный
избирательный округ, Каракалпакская АССР)*

Уважаемый товарищ председатель! Уважаемые товарищи депутаты! О наступившем экологическом кризисе в докладе Михаила Сергеевича Горбачева было сказано, но как бы через запятую, то есть в числе других проблем страны. Я должен сообщить, что экологическая катастрофа, происшедшая и сегодня еще происходящая на Арале, по своим масштабам и затяжным последствиям сопоставима с последними крупными мировыми катастрофами. Есть жертвы, есть люди, которые на всю жизнь останутся калеками. Есть отравленная, изуродованная земля, есть брошенные и разрушающиеся селения. Если вы пролетите на самолете над просторами Приаралья, то увидите белые безжизненные солончаки. Они прикрыли землю, как снег. По определению специалистов, на один гектар земли Каракалпакии, Хорезии и Ташаузской области Туркмении ежегодно выпадает 540 килограммов песка с солью, выносимых с высохшей бывшей акватории Аральского моря.

Сегодня на наших землях опасно выращивать фрукты, овощи... Окончательно и бесповоротно отравлена, погублена земля-кормилица. Наука еще не сумела ни одного клочка земли в Каракалпакии

очистить от гербицидов, пестицидов и дефолиантов, которые на каждый гектар в прошлые годы вываливались тоннами. Когда возьмешь в руки нашу землю, она уже не пахнет почвой, от нее несет химией, она хрустит между пальцами. С верховьев Амударьи все использованные воды при промывке орошаемых земель сбрасываются обратно в Амударью. В реке остатки ядохимикатов достигли такого угрожающего для жизни уровня, что рыба в этой воде гибнет. В Приаралье люди умирают неестественной смертью, они обречены на вымирание — слоновые дозы ядохимикатов, проникающие в наши организмы с пылью и соленой водой, разрушают генетику человека. Резко возрос процент уродов среди новорожденных. По неполным данным диспансеризации, проводимой в автономной республике, из каждых трех обследованных двое оказались больными в основном брюшным тифом, раком пищевода, гепатитом. Есть случаи холеры.

Самое страшное, что среди больных большинство дети. Постоянно возрастает инвалидность. В некоторых районах Каракалпакии врачи не рекомендуют кормить младенцев материнским молоком — оно токсично. Это не укладывается в сознании: материнское молоко превратилось в отраву.

При создавшейся ситуации трудно с уверенностью сказать: останется ли хоть один здоровый человек в Приаралье к началу следующего века? Край в скором времени превратится в место обитания людей-иждивенцев, не способных себя прокормить. Жизнь в эпицентре экологической катастрофы ухудшается день за днем. Фрукты и овощи насыщены ядохимикатами. Обеспечение основными продуктами питания в республике несколько ниже, чем в среднем по стране.

При каждой встрече избиратели меня атакуют вопросами: скажите, есть ли на планете еще такое государство, где допускается отравление собственного населения?

Мы дошли до такой жизни не по своей воле, а по милости центральных планирующих органов. Это, по сути дела, следствие крайне преступной экономической политики.

Мне могут возразить, что правительство о нас заботится, что принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1988 года "О мерах по коренному улучшению экологической и санитарной обстановки в районе Аральского моря, повышению эффективности использования и усилению охраны водных и земельных ресурсов в его бассейне". Да, это постановление есть. Но, во-первых, оно не решает проблему полностью, когда речь идет о лечении смертельной болезни. В этом случае любые полумеры — это не исцеление, а просто перенесение сроков похорон. Хочу напомнить, что товарищ Горбачев на встрече с жителями Ташкента 7 апреля 1988 года на вопрос, как решается судьба Арала, ответил, что прорабатываются различные варианты возрождения Аральского моря. Однако в постановлении ни слова о возрождении моря нет. Во-вторых, эти постановления рассчитаны на длительную перспективу, а требуется срочная помощь. И, наконец, это постановление пока плохо действует. В нынешнем году из 8 кубокилометров воды, необходимых для санитарного пропуска, в Арал не было дано ни литра, ни капли. Трагедия Арала стала наиболее популярной, чуть ли даже не модной проблемой. О ней часто и охотно пишет пресса и говорят на всевозможных заседаниях, совещаниях, симпозиумах. Новые заседания и выступления на них отдельных руководителей на-

чинают напоминать сказки Шахерезады из "Тысячи и одной ночи". Только там героиня с каждой сказкой выигрывает один день жизни, а наши утешительные собрания, на которых ничего путного не решается, наоборот, приближают к гибели. Мое выступление — это не плач о нашем бедственном положении. Аралу нужны не слезы, а вода. Нельзя забывать, что смерть Арала грозит гибелью не только всей Средней Азии. Она повлечет за собой непредсказуемые, скорее всего катастрофические изменения климата в огромной части страны. Это уже грозит глобальной бедой.

Общеизвестно, что в Средней Азии земледелие существует благодаря двум рекам: Сырдарье, Амударье, несущим Аралу свои воды. Море, испаряя в год десятки кубокилометров влаги, возвращает ее обратно в виде снега ледникам Тянь-Шаня и Памира. Ныне природный круговорот нарушен. Если не спасем Арал, то откуда возьмется вода в реках, текущих с Памира и Тянь-Шаня?

Ранние заморозки осенью и поздней весной стали явлением обычным. А соленопыльная буря, которая бушевала 29 апреля сего года, — тоже результат резкого сокращения акватории Аральского моря. Прежде воздушные потоки над ним вставали щитом на пути холодных ветров из Арктики. Нынешнее бедствие Средней Азии, когда в мае выпал снег и вымерзли почти все посевы, — новое грозное тому подтверждение. Необходимы срочные, решительные действия.

Первое. В Узбекистане действует депутатская группа по контролю за выполнением правительственных решений. Но судьба Арала зависит не только от республик Средней Азии и Казахстана. Поэтому я требую создать специальную депутатскую группу Съезда народных депутатов СССР с

чрезвычайными полномочиями, так как ни одна из республик не может решить эту экологическую беду в отдельности.

Второе. Быстро и резко сократить посевы хлопчатника. Да, мы знаем, что хлопчатник — это не только текстильное сырье, но и стратегический продукт. Стратегический хлопок пока, видимо, мы вынуждены оставлять, но от текстильного надо избавляться. И ни в коем случае не экспортировать хлопок. В данном случае торговать хлопком — это в прямом смысле слова торговать здоровьем своих сограждан.

Третье. Пора покончить с экстенсивными методами земледелия. Нужен закон об уголовной ответственности за расширение посевов на поливных землях. Иначе с любителями лишних гектаров для плана, а значит, и лишних поливов нам не справиться. Необходимо срочно вводить плату за воду и пора вести ее учет.

И последнее. Поскольку мы сами пока не можем справиться с последствиями экологической катастрофы, не надо прятать беду за пазуху, а честно сказать обо всем миру. Надо официально объявить Приаралье зоной экологического бедствия и призвать на помощь мировое сообщество.

Как мы с вами уже убедились, в несчастье нам есть чему поучиться у зарубежных специалистов, есть за что благодарить милосердных жителей других стран. Но до сих пор берега Арала, эта запретная зона, засекреченная территория, напоминает резервацию: туда иностранных журналистов и специалистов не пускают.

Хочу еще внести предложение — ежемесячно или ежеквартально публиковать сведения о количестве умерших от болезней, связанных с экологической катастрофой; о количестве поданной в Арал

воды; о продолжающемся падении уровня моря и размерах его акватории.

Завершая свое выступление, хочу огласить наказы моих избирателей. Они надеются, что в ближайшее время на их землю ступит нога первого руководителя страны.

Повторяю, наша катастрофа — дело рук человеческих. Человеку надо ее исправить. Спасибо за внимание.

ОЛЕЙНИК Б.И.

(от Коммунистической партии Советского Союза)

Уважаемый председатель, дорогие товарищи депутаты! Хотя я и выступаю, как вы, наверное, заметили, от самой смиренной и лояльной республики, меня не особенно шокируют расшурованная активность и эмоциональность депутатов, которые, не ожидая зова председательствующего, шествуют на трибуну. Мы ведь только начинаем постигать азбуку демократии и культуры парламентаризма. И все же вынужден отметить, что в естественном стремлении засвидетельствовать активность перед избирателями, прильнувшими к телеэкранам, мы в первые дни преимущественно являли им не свои одухотворенные лики, а простите, спины. До слез умиляло, как доверительно, по-свойски, повернувшись разрезом пиджака к народным депутатам, а следовательно, и ко всему нашему и мировому обществу, мы буквально касались челом плеча главы государства, поверяя ему, очевидно, самое сокровенное.

Эту широту нашей природы и простоту нравов отметил не только взволнованный отечественный, но и потрясенный демократизмом зарубежный зритель. Эти наблюдения я адресую прежде всего себе, товарищи. В моем селе Зачепиловке тоже ведь не было хотя бы консульства с протокольным отделом. Так что учимся один у другого.

Конечно, хотелось бы сразу решить все. Осознаю, что каждый подотчетен своим избирателям, которые ждут от нас чего-то реального, и обмануть их надежды равнозначно расписаться в своей несостоятельности. Но, дабы не обмануть их, не стоит нам самим обманываться в скорострельном решении всех проблем.

Стоит взять несколько конкретных и решить их, не выходя из этого зала, иначе нам тяжело будет смотреть в глаза своим избирателям. Вот, на мой взгляд, некоторые из них.

Прежде всего надо изыскать средства, даже путем сворачивания некоторых глобально заманчивых программ, с тем чтобы хоть немного прибавить в зарплате и пенсии людям, стоящим за чертой бедности или на грани ее, дабы не сгорать от национального позора.

Больше всего узлов завязалось в национальной проблеме. Давайте твердо, без обвиняков скажем, что развязать их можно только на неукоснительном исповедании идей федерализма, где каждая республика, и только она, должна стать и субъектом, и сувереном в исправлении накопившихся деформаций. И решение языковой проблемы в детских садах, школах, ПТУ, техникумах, вузах, в делопроизводстве, в науке — словом, во всех материальных и духовных структурах надлежит осуществлять таким образом, чтобы язык коренной нации был не согбенным поденщиком, а полноправным гордым хозяином в своем родном доме.

Словом, я за модель и идею прибалтийских республик, поддержанную премьером Казахстана: сильные республики — сильный центр. Ведь корни питают крону, а не наоборот. Естественно, воспитывая национальное самосознание — святое чувство любви к истории, законам предков, — мы в та-

кой же мере должны взращивать в себе уважение ко всем народам, ибо в этом взаимосвязанном и взаимозависимом мире самое страшное, как заметил Олесь Гончар, — национальное одиночество. Но в столь деликатной сфере абсолютно неприемлемы формализм и уравниловка. Конечно, у нас есть и общие универсальные беды, и в то же время в каждой республике имеются и свои специфические проблемы. Скажем, на Украине и в Белоруссии право выбора родителями языка обучения для своих детей не такое уж идеальное, как, возможно, для других республик, уже хотя бы потому, что в некоторых городах просто не из чего выбирать — белорусские и украинские школы напрочь отсутствуют. В подобных исключительных случаях наравне с упомянутым родительским надо обусловить и право нации на самозащиту. Мы, например, стоим на том, чтобы придать статус государственного украинскому языку, подчеркнув при этом, чтобы на таком же державном уровне способствовать развитию языков всех национальностей, живущих на Украине. И, естественно, — русскому как испытанному инструменту межнационального общения.

Но в последнее время, не без участия Центрального телевидения, все чаще конвертируется мысль о придании статуса государственного наравне с национальными русскому языку. Считаю, что подобный шаг был бы прямым отступлением от первоначальной идеи, поддержанной подавляющим большинством избирателей республики. И в конце концов спрашивал ли кто-либо и когда-нибудь, хотят ли этого сами русские? Уверен, что подавляющее большинство русских воспримет это как оскорбление недоверием их могучего языка, который

вот уже на протяжении десятилетий добровольно принят народами нашей страны как надежный мост братства.

Но не парадокс ли — великий русский народ сам-то оказался наиболее ущемленным в национальном аспекте, не имеющим ни своей компартии, ни Академии наук. Более того, Россия, вынесшая вместе с Белоруссией, Украиной едва ли не основные тяготы Великой Отечественной, даже не представлена в Организации Объединенных Наций.

Касательно самого термина "двуязычие". Если истинно то, что язык — душа народа, то не кажется ли вам, что упомянутое словосочетание произвольно натадживает на иное, менее благозвучное? Просил бы правительство и Политбюро обратить внимание и примерно наказать тех чиновников, особенно на местах, которые яростно сопротивляются перестройке в сфере межнациональных взаимоотношений, преследуют, скажем прямо, членов Общества украинского языка имени Тараса Григорьевича Шевченко.

Еще одно. Негоже сразу при виде древней символики, скажем, в Таллине или во Львове, хвататься за сердце. Ведь источники, питающие реку народной истории, не виноваты, если эту реку на каком-то участке загрязнили отбросами. Ее надо очищать, ибо грядущие поколения именно из нее будут утолять спрагу (жажду) в познании чьих отцов, чьи мы дети.

В прямой связи с укреплением суверенитета республик — проблемы сохранения среды обитания, защита ее от нашествия центральных ведомств, которые безнаказанно внедряют АЭС, химические монстры, всевозможные каналы, где им вздумается. А поскольку свои "кукушкины дары"

ведомства, как правило, подбрасывают в обжитые веками, очеловеченные культурно-исторические центры, как то Киев, Чигирин, Канев, Запорожье, Ровно, Хмельницкий, поскольку эти мины подсылались не только под национальные святыни, но и под всю республику, борьба против новоявленных промышленных захватчиков выходит уже на первый план. И, вправду, еще один-два Чернобыля, не приведи господи, и уже не с кем и некому будет сражаться ни за язык, ни за культуру вообще.

Надо сказать, что в этой, подчас неравной, борьбе уже есть первые победы. Всенародное ликование на Украине вызвало недавно опубликованное в республиканской прессе правительственное решение, подписанное Николаем Ивановичем Рыжковым, о прекращении строительства Чигиринской АЭС. Но как быть с Крымской? Ведь нет ни одной АЭС в мире, где бы срослось такое устрашающее сочетание геофизических опасностей, в частности, возможность землетрясения силой до 10 баллов, цунами, водно-шагонные перемещения больших масс воды Азовского моря, подвижки грунта на активных тектонических разломах, газо-грязевой вулканизм, оползневое соскальзывание глинистого купола, на котором возвышается Крымская АЭС.

Дорогие товарищи из Политбюро и коллеги из Верховного Совета! Да уже этот перечень дает нам основание здесь же принять решение о немедленном сворачивании строительства Крымской АЭС. Тем более, что все четыре рабочие группы правительственной комиссии подавляющим большинством пришли к выводу, что проектная сейсмичность станции в 7 баллов недопустимо занижена. Давайте, товарищи, без консультантов извне соберемся с духом и во имя жизни на Земле сами прекратим строительство КАЭС.

После чернобыльской трагедии только на территории Белоруссии, не говоря уж об Украине, заражению радионуклидами подверглось более 520 тыс. человек. Чернобыльская АЭС и ныне является рассадником радиоактивной инфекции непредвиденного действия. Дабы погасить этот опасный для всего человечества источник, следует уже сегодня принять единственно разумное решение — окончательно ликвидировать Чернобыльскую АЭС.

Должен вам сказать, что радиационная обстановка, несмотря на уверения Минатомэнерго и Минздрава, весьма сложная. На территории загрязненностью выше 15 кюри на квадратный километр доньше живут люди, а судя по картам, опубликованным в "Правде", в Белоруссии, в отдельных районах Брянщины загрязнение еще выше. А по-этому я решительно поддерживаю обращение к нынешнему Съезду коллектива Института геологических наук АН республики, где требуется, в частности, рассмотреть информацию об экологической обстановке, включая радиационную, по каждой области, району, населенному пункту. Прекратить практику пересмотра ведомствами действующих норм в связи с изменяющейся обстановкой и опубликовать временно допустимые уровни (ВДУ) радиоактивного загрязнения, принятые Минздравом на послеаварийный период. Потребовать от правительства изыскать средства и возможности для срочного отселения жителей из зон с жестким радиационным режимом.

Исходя из общечеловеческих принципов гуманизма и милосердия и учитывая реальную угрозу генофонду Украины, Белоруссии и некоторых областей России в результате аварии, разработать национальную программу защиты детей с обязательной организацией лечебно-санаторных комплексов

"Матери и ребенка" для оздоровления детей пострадавших территорий.

Разработать и принять закон об уголовной ответственности должностных лиц, утаивающих и искажающих информацию об экологической, в частности радиационной, обстановке и ее влиянии на здоровье населения, поскольку своими действиями они грубо попирают права человека и ставят под угрозу само его существование. До принятия такого закона рассмотреть вопрос о служебном соответствии руководящих работников различных ведомств и комиссий, ответственных за создавшееся положение.

К мужам, принявшим клятву Гиппократу, взываю: не кощунствуйте, обвиняя людей в радиофобии. Если она и наблюдается, то прежде всего от радио, по которому клятвопреступно обманывают народ, убаюкивая его ложной информацией. Это такой же непростимый грех, как и в тайне от людей внедрять реакторы и полигоны для захоронения опасно вредных веществ. В этой связи я хотел бы получить разъяснение по поводу строительства новых блоков на Южно-Украинской и Ровенской АЭС, где уже и для ныне действующих не хватает воды.

Настоятельно просил бы или подтвердить, или дезавуировать слухи о строительстве в тридцатикилометровой зоне завода, а на меже Хмельницкой и Винницкой областей — полигона по захоронению вредоносных отходов. Обращение жителей Дерезнянского района по этому поводу, засвидетельствованное сотнями подписей, я уже передал Съезду.

Словом, все ведомства, включая и атомные, должны наконец понять, что, прежде чем внедрять очередной реактор, надо испросить разрешение на-

рода и правительства соответствующей суверенной социалистической республики.

Эти и другие не менее острые проблемы мы не решим, если не отдадим долги селу. А их много на печальном счету нашей державы. И отдавать придется долго. Но уже сегодня мы обязаны сделать хотя бы самое малое — уравнивать селянина с рабочим в пенсионном обеспечении. Крестьянин, который за свои трудные 70 лет так и не познал, что такое выходной, отпуск, дом отдыха, тем более санаторий, всю свою жизнь месивший грязь бездорожья, униженно вымаливающий у начальства вязку дров, даже не подозревающий, что мимо его села проложены трубы с газом для города, — думаю, что этот беспредельно терпеливый труженик заслужил хотя бы старость встретить по-человечески.

Я уж не говорю о вдовах войны, вспахавших на коровах горькое поле, кормивших все фронты и тылы, израненных калек, в одиночку выведших нас, полусирот, в люди, научив жить по совести, и получающих за все это нищенские гроши — уж их-то, если мы не утратили последние крохи совести, сам бог велел приравнять по всем льготам к фронтовикам. Спасибо за внимание.

ВЛАСОВ Ю.П.

(Люблинский территориальный избирательный округ РСФСР)

Уважаемый председатель! Уважаемые депутаты! Я избран от Люблинского района Москвы. Из дачного пригорода столицы Люблинский район превращен в одно из вредных для здоровья мест. Здесь сосредоточены десятки заводов, среди них и такой, как АЗЛК.

Воздух в районе плохой, вода не лучше: купаться в реке опасно. Превышены все запретительные санитарные нормы, однако не так давно введен в строй цементный элеватор, строится асфальто-бетонный завод. Чем дышать людям? Дымом труб?..

Велика острота и жилищного вопроса... Словом, это один из самых обездоленных районов Москвы. Ведь в центре района действует и литейно-механический завод, главный производственный процесс здесь в неизменности с дореволюционных времен. Это преступление против рабочих, особенно женщин, и преступление против всей Москвы.

Государство привыкло брать у людей силу, здоровье, а возмещать это чрезвычайно скупой, порой оскорбительно и опасно скупой. Это относится и к заработкам, и к пенсиям, и к медицинскому обеспечению. Кстати, цены на лекарства вообще должны быть снижены, и незамедлительно. Людям порой не на что лечиться.

Мы провозглашаем великие принципы, а по существу эксплуатируем людей. Люди сыты по горло обещаниями лучшей жизни и решительно требуют перемен. Дальнейшего спада жизненного уровня рабочий не хочет допускать и не допустит. Для этого мы здесь и находимся. Народ пока еще нам верит. Ведь народ многого не требует. Он только хочет одного: чтобы с ним обращались по-человечески.

Уважаемые депутаты! Я не экономист. Основной предмет моего выступления — демократизация нашей жизни. Демократия так же реально кормит, одевает, как и экономика. Это и естественно. Такие два явления связаны органически. Демократия дает простор жизни, развязывает экономические отношения. Ну, а как демократию обращают в пугало, — об этом не сейчас.

Мое выступление никем не определено. На заседаниях московской группы я не бывал. Да я и не любитель заседать. Это выступление не из заготовок, о которых в связи с московской группой упомянул депутат Горбачев. Но я в московской группе и с московской группой. Это факт, и я горжусь этим!

Одно небольшое замечание. Из-за того, что в субботу, 27 мая, мы закончили работу относительно рано, представилась возможность посмотреть телевизионный отчет (не репортаж, а отчет) о Съезде. В центре того дня оказалось выступление Юрия Николаевича Афанасьева. Его выступление, выступление депутата Попова, а также все выступления в их поддержку давались в конспективном изложении, т.е. с существенными пропусками. Составить ясное, логическое представление об их позиции было весьма сложно. Зато противная точка зрения

излагалась подробно, речь за речью самих депутатов.

Я обращаюсь к тем, кто отвечает за программу "Время". Неужели вы не осознаете, что это есть искажение? Ведь это вы сообщаете в той же программе, в тот же день и час, о 62 % людей, которые, согласно опросу, против блокирования Съездом предложений московской группы. И, сообщая об этом, вы тут же совершаете подтасовку, т.е. выступаете против большинства людей, этих самых 62 %.

Я не сторонник раскола, однако ошибочно думать, что к возможному размежеванию Съезд подталкивает какой-то злой умысел. Все проще — всякое действие вызывает противодействие. В данном случае этот процесс обоюдный.

Попутно еще одно замечание. Пост председателя Гостелерадио настолько важен — переоценить его сложно. Влияние телевидения на умы поразительно и всеобъемлюще. Нет более могучего средства перестройки. Нам предстоит утверждать назначение, скажем, на такой ответственный пост, как председатель Комитета конституционного надзора. Я предлагаю включить в данный состав утверждаемых постов и кандидатуру на пост председателя Гостелерадио. Такое назначение должно быть прерогативой, т.е. исключительным правом, Съезда. По этим же причинам предлагаю сделать прерогативой Съезда и назначение на пост главного редактора "Известий". Нельзя столь важные посты оставлять за аппаратом.

Мы договорились не упоминать о событиях в Тбилиси до отчета комиссии. Это связывает руки. Что ж, отложим свои мнения, подождем. Однако в этой трагической истории всплывает другой факт, о котором нельзя умалчивать. С первого дня рабо-

ты Съезда здесь, в зале, шел немой опрос первых должностных и партийных лиц страны: кто же отдал приказ о расправе? Ответ депутата Горбачева обернулся необходимостью создать нынешнюю комиссию. Ни при каких обстоятельствах невозможно допустить, будто глава государства не знает всех обстоятельств дела. В противном случае какой же он глава государства? Также невозможно допустить, что об этом не знали и поныне не знают, не ведают члены Политбюро.

Заметьте, никто не дал ответа на настойчивые вопросы, наверное, доброго десятка депутатов, хотя само молчание — уже ответ. Нет, речь не о сокрытии важного факта от Съезда народных депутатов, речь о другом — о необходимости включения в нашу Конституцию статьи об импичменте, т.е. лишении Председателя Верховного Совета полномочий, как результате сокрытия правды от народа. То, что я говорю, имеет существенное значение на будущее. Глава государства должен отдавать себе полный отчет в том, с кем он: с корпорацией или с народом.

Теперь об ответственности правительства. Об этом уже говорили. Тут были выражены опасения, что мы пережили 10 часов безвластия, пока глава государства не был избран. Стране в эти часы грозили возможные напасти. В большинстве своем мы отдавали себе отчет, кто такой Брежнев и как он правил страной. Беспринципность, соучастие в беззакониях, а чаще страх заставляли людей молчать и не задумываться о возможных бедах, хотя одна из них обернулась горем войны. Брежнев мог отсутствовать не 10 часов, а 10 лет — и вряд ли бы кто заметил.

Подавляющее большинство нынешних членов Политбюро, членов правительства занимало в те

годы достаточно видные посты, но, как вы знаете, всякая ответственность ныне списывается одной безбрежно вместительной фразой: "Все мы вышли из того времени". Я с ней категорически не согласен — не все! Но не об этом сейчас речь. Мы уже на четыре года отодвинулись от начала перестройки, и все, что происходит в стране теперь, в значительной мере итог непосредственной деятельности нашего руководства. Богатейшая страна мира в невоенное время перебивается на талонах, что равно карточкам. Нет самых элементарных продуктов. Наш рубль жалок перед любой валютой. В стране много коррупции, беззакония, произвола, страна тонет в безответственных решениях. Великая страна унижена. Падение ниже невозможно, дальше уже развал. Лица, повинные в подобном повороте дел, обычно уходят в отставку, и не поодиночке, а всем составом, как люди, провалившие дело. Так, во всяком случае, принято во всем мире.

Тут говорили: нормальная деятельность правительства невозможна без жесткого контроля. Такими полномочиями Верховный Совет обладает. Он — орган исполнительный и распорядительный. Нужно, чтобы депутаты научились спрашивать... Спрашивать с правительства. Скажем, каждые две-три недели правительство будет давать отчет на заседаниях о своей деятельности с трансляцией по телевидению: это внутренняя, внешняя политика, экономика, различные назначения. От народа не должно быть тайн. И каждый должен предстать перед ним в своем истинном обличье.

Мы видим, и при нынешнем повороте дел правительство не подает в отставку. Этому есть серьезные обоснования: верховную власть всегда подпирала та сила, которой держится весь аппаратный строй.

Почему нашей страной мог править Брежнев? Нет, правил не Брежнев. Он являлся лишь символом. Правило насилие. Оно утвердилось у нас в качестве единственной правовой нормы. Насилие, страх, нетерпимость, жестокость... пронизывали нашу жизнь, являлись нервом жизни, не дают распрямиться и сейчас.

Нетерпимость и в этом зале, как знамение всех тех лет. Оно в шиканьях и в стремлениях заткнуть рот оратору. Для народа перестройка (наряду с преодолением экономического кризиса) — это преодоление аппаратной системы. Эта система целиком вошла на принципах подавления личности, бесправия каждого в отдельности — бесправия и, следовательно, незащищенности. Еще очень много лжи носили мы в себе.

Да, сейчас гласность, но оттого, что нам ее подарили, мы не замрем в благодарной почтительности. Демократию следует развивать.

Она гарантия нашей силы, а главное — будущего.

Мы не можем, не должны ставить свое будущее в зависимость от моральных качеств одной личности. Мы должны дать народу правовое демократическое управление, преодолеть экономический кризис. Это возможно лишь в том случае, если мы сконструируем четкое законодательное право — право спрашивать с тех людей, которые вот здесь, в зале, представляют правительство. Спрашивать с них и тех, кто стоит за ними. Это будет спрос народа.

Из обращения группы избирателей: "Еженедельник "Семья" и Центральное телевидение рассказали и показали места захоронения жертв массовых репрессий. Это — Донское кладбище, а также Калитниковское и Рогожское кладбища в Москве. В

местах захоронения прах десятков тысяч наших сограждан. 6 января нынешнего года на встрече в ЦК КПСС с работниками науки и культуры товарищ Горбачев сказал, что нам необходимо выделить эти места, привести в порядок, установить памятники. Принято соответствующее постановление ЦК КПСС, однако в нашем городе не предприняты никакие реальные шаги. Почему? Поиск привел и к другим местам, где "на тысячи" свалены черепа и кости. Мы обязаны почтить память сограждан, подвергшихся издевательствам и казням. Это десятки тысяч казненных безвинно. Такого рода преступления не знала история человечества. Несомненно, существенную помощь в дальнейшем розыске могут оказать архивы КГБ, но даже сегодня они накрепко закрыты. И сотни тысяч наших семей не могут отдать дань памяти несправедливо казненных или замученных. Не пора ли решить этот вопрос?.."

Чтобы ограничить волю аппарата, необходимо поставить под контроль народа одно из мощных начал его жизнеспособности. Одним крылом КГБ защищает народ от внешнего врага, а другим, несравненно куда более мощным, — осуществляет особую, специфическую функцию. Нет, я не имею в виду борьбу с коррупцией. После тяжких уроков прошлого с миллионами убитых, всех, без исключения, с прямым участием ЧК — МГБ, угрозу демократии и в наши дни нельзя считать мифической.

В условиях первых шагов по пути демократизации и в то же время желания раздавить ее такая сила, как КГБ, обретает особый смысл. Ведь КГБ подчиняется только аппарату, КГБ выведен из-под контроля народа. Это самое закрытое, самое конспирированное из всех государственных учреждений. Разумеется, у меня и в мыслях нет чернить

работников этого ведомства. Речь о его роли в нашей жизни.

Глубинная засекреченность, объясняемая спецификой занятий, обеспечивает фактическую бесконтрольность КГБ, хотя действия его порой весьма сомнительны. В таких столкновениях с КГБ правды не найти. Искать ее опасно. Манипуляции с якобы психической ненормальностью до сих пор могут угрожать людям, опасным для аппарата.

Демократическое обновление страны не изменило места КГБ в политической системе. Этот комитет осуществляет всеохватный контроль над обществом, над каждым в отдельности. В системе же министерских отношений он явно поставлен над государством, подчиняясь лишь узкой аппаратной группе. Назначение председателя КГБ должно проходить через Съезд народных депутатов. Народные депутаты должны знать численность этой организации и требовать отчета за все нарушения законности, знать ее бюджет. И лучше бы перенести службы КГБ с площади Дзержинского. Уж очень незабываема кровавая история у главного здания, где покоится "меч, защищающий народ". Отсюда десятилетиями исходили приказы по уничтожению или преследованию миллионов людей. Горе, стон, муку сеяла эта служба на родной земле. В недрах этого здания мучили и пытали людей, как правило, — лучших, гордость и цвет наших народов. Да и сам комплекс этих зданий, таких необъяснимо монументально громадных, как бы свидетельствующих, кому в действительности принадлежит власть в стране. Такой комплекс неуместен в центре Москвы. Будет справедливо, если КГБ уступит эти здания (потребность в помещениях у нас огромна) хотя бы на книгохранилища и построит скромное здание в пригороде, но уж не такое, как

его больница в Покровском-Стрешневе. Сосновая роща, ультрасовременное, огромное здание, соединенное веткой метро с центром. По соседству с ним районная туберкулезная больница — просто убогое строение. КГБ — это не служба, а настоящая подпольная империя, которая еще не выдала свои тайны, разве только раскрытые могилы. И, несмотря на такое прошлое, эта служба сохраняет свое особое, исключительное положение. Она самая мощная из всех существующих орудий аппарата. И по эффективности, и по безотказности ей нет равных. В Верховном Совете предполагается Комиссия по обороне и государственной безопасности. Надо полагать, по деятельности МВД и КГБ (МВД тоже оставило не лучший след в нашей истории). Надо, чтобы эта комиссия была начинена новым содержанием и проводила эффективный контроль. Это одна из существенных задач, правда, трудновыполнимая, как Верховного Совета СССР, так и будущих Съездов народных депутатов.

Еще одно обращение избирателей моего участка. Я получил его вчера. Оно о государственной статистике. "Съезд народных депутатов считает, что в последние годы Госкомстат СССР был одной из государственных организаций, деятельность которой способствовала манипуляциям общественного мнения ложными цифрами, приукрашивающими действительность. Госкомстат СССР до сих пор не проявил способности добиться сокращения потока сомнительной отчетности, которой государственные органы облагают предприятия и учреждения. Съезд постановляет (это проект предложения): образовать комиссию из народных депутатов в рамках Верховного Совета для выяснения истинного положения дел в экономике, в частности, выявления подлинной динамики национального дохода,

инфляционных процессов, размеров эмиссий, роста производительности труда, сокращения государственного аппарата. Результаты комиссии довести до сведения народа".

Принципиальное значение имеют выборы народных депутатов не через 5 лет, а через 3 года, и выборы для всех прямые и тайные. Политическое развитие народа идет такими темпами, что нынешний состав Съезда уже не в полной мере будет отражать эти изменения, образно выражаясь, "пятилетний срок" будет блокировать многие важные решения, столь необходимые народу.

Мы на критической точке своего развития.

150 лет назад оригинальный русский мыслитель и друг Пушкина Петр Чаадаев писал о России: "Мы — народ исключительный, мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь страшный урок..."

"Страшного урока" больше не должно быть.

Так, теперь несколько слов о вчерашних овациях зала на сообщение о применении силы в Тбилиси. Преступно убивать за убеждения. Лозунги, политическая чужеродность, говоря об инакомыслии, не могут служить оправданием убийств. Такая позиция смыкается с той, которая привела нашу страну к невиданным в мире убийствам, которые мы до сих пор не в состоянии усвоить разумом и своей совестью. После этих оваций для меня очевидно: размежевание практически неизбежно; нас разъединяет больше, чем соединяет. Это различие в понимании самих основ жизни.

ДРУЦЭ И. П.

*(Дрокиевский национально-территориальный
избирательный округ, Молдавская ССР)*

Уважаемый товарищ президент! Уважаемые коллеги депутаты!

Я хотел бы начать с того, чтобы заявить протест днепропетровскому депутату, который претендовал с этой трибуны на то, что он является представителем "родины застоя". Весь мир знает, что это совершенно не так. Все знают, что застой расправил свои крылья на молдавских холмах.

Правда, нужно сказать, что прославились мы совершенно неожиданно-негаданно. Дело в том, что уже в престарелом возрасте и будучи совершенно больным Иосиф Виссарионович написал на клочке бумаги: "Надо срочно помочь молдавским товарищам в укреплении руководящих кадров". Этот клочок бумаги лег в соответствующую папку по назначению руководящих кадров, папку, которую, надо сказать, мало кто из смертных людей может похвастаться, что видел своими глазами. И вот назначили Леонида Ильича Брежнева в Кишинев первым секретарем, и дальше пошла цепочкой назначения: Щелоков, Черненко, Трапезников. Чем все это кончилось, вы все прекрасно знаете.

Мы похоронили, погоревали, конечно, помянули тихим словом, как говорится, и думали, что дело кончилось. Но вдруг, уже во времена перестрой-

ки, несколько лет тому назад, все копаясь в той папочке, обнаружили тот клочок бумаги, в котором было написано, что надо помочь молдавским товарищам в укреплении руководящих кадров. И направили к нам товарища Смирнова вторым секретарем ЦК партии Молдавии. Ну, что же делать? Москва есть Москва. Ей, как говорится, виднее, и у нее гигантский горизонт. Летели головы, все трещало, речи лились одна за другой. Что ж, переживем и это. Но вот в печати объявляют на весь мир, что второй секретарь ЦК Компартии Молдавии, оказывается, совершил тягчайшие преступления и его нужно лишить всех полномочий и арестовать. И снова Молдавия славится на весь мир. Все нас оглядывают — слушайте, что вы там делаете? И действительно, чем вы там занимаетесь?

Проходит какое-то время — новое сообщение "В Президиуме Верховного Совета СССР". Оказывается, товарищ Смирнов ни в чем не был виноват, это было большой ошибкой, и снова наша Молдавия славится на весь мир. Ни в чем человек не был виноват, а они, поди ж ты, в Кишиневе копали под него, пока не закопали. Я хочу попросить руководство нашей страны и Михаила Сергеевича написать на том клочке бумаги — "выполнено". И никого не посылать к нам больше в Кишинев на укрепление руководящих кадров. За годы Советской власти выросли мы, Михаил Сергеевич, есть у нас достойные молодые люди, и в общем как-нибудь, я думаю, мы справимся.

Вторая проблема. Мы хотим попросить Москву помочь нам освободиться от завалов застоя. Конечно, вы можете сказать, что это ваше дело. Но этот груз мы не знаем, с какого конца взять, а если правду сказать, то и тары у нас такой нет, чтобы переправить все это в Москву.

Теперь, если перейти к вопросу, много раз тут обсуждавшемуся, по процедурам. Вот голосование много раз обсуждалось. Дорогие товарищи, я вам хочу сказать, что мне все-таки стыдно, когда Президент первой страны мира, вылетевшей в космос, из президиума считает, сколько было "за", сколько "против", сколько "воздержавшихся". Это недостойно нашей великой страны. Но это только часть вопроса.

Вторая часть вопроса заключается в том, что мы все-таки стоим перед государственно-партийным аппаратом, который очень хорошо нами управляет и который подумал так — надо каким-то образом стеснить волеизъявления депутатов. Что и говорить, среди нас есть много людей, занимающих большие государственные посты. Рядом с ними сидят люди из того же региона. Они вольно или невольно должны думать о том, как они проголосуют. Сосед видит. Кроме того, есть, как говорится, давление массы. У всех есть периферийное зрение, смотришь, сколько рук поднялось, соображаешь, поднять тебе руку или нет. Говорят, что для обеспечения индивидуального голосования нам нужен год. Я хочу обратиться к нашим техникам, инженерам, ученым и попросить их: дорогие товарищи, придумайте нам способ, чтобы мы уже к концу этого Съезда могли бы индивидуальным образом проголосовать по всем животрепещущим проблемам нашего государства.

Долго у нас обсуждается статус. Мы уже который день заседаем, но так практически и не знаем статуса ни нашего личного, ни статуса нашего Съезда народных депутатов. По правде говоря, я даже не уверен, имеем ли мы право объявить "наряд вне очереди" генералу Родионову. И вот, если вернуться вскользь (а мы в любом случае будем

возвращаться) к тбилисской проблеме, мне думается, что нам хорошо было бы выслушать, хотя бы вкратце, и министра обороны. И, чего греха таить, мне хотелось бы спросить и Президента нашего, Председателя Комитета обороны.

Дорогой Михаил Сергеевич, у Вас в докладе написано, что начинается период разоружения, что многие острые политические проблемы мы должны разрешить мирными средствами. Но это, как говорится, наши внешние дела. А что же во внутренних делах? Разве мы не в состоянии сегодня разрешить мирными средствами конфликты, которые возникают внутри нашей страны? Что же, мы так всю жизнь и будем вырабатывать две политики: одну, как говорится, для Запада, другую политику — для внутреннего потребления? Я думаю, что если власти того или иного региона, области, республики или города оказываются не в состоянии управлять массой, эмоциями, проблемами своего населения, они, конечно, должны подать в отставку, и на их место должны прийти те люди, которые будут в состоянии найти общий язык со своим населением.

В связи с этим я вношу на ваше рассмотрение проект декрета о неприменении силы против своих граждан, в котором написано: запретить в дальнейшем применение военной силы, имея в виду регулярные воинские части, а также спецотряды внутренних войск, обязав местные власти решить все проблемы политическими средствами.

Но вернемся опять-таки к делам днепропетровско-молдавским. Что такое застой? Мы против него который год боремся и никак не можем выяснить, что такое застой. С моей точки зрения, застой есть разложение страны путем отбора и утверждения кадров по отрицательному принципу в том смыс-

ле, что чем человек менее достоин своей должности, тем прочнее он ввинтится в свое кресло и не освободит его ни при каких обстоятельствах.

Который год мы разгадываем шарады. Предположим, освободилось место министра культуры. Страна у нас культурная, читающих много, все гадают: слушай, ну кто же будет? Есть один вариант, другой вариант, третий вариант, ничего не проходит, полгода нет министра. Ну, мы привыкли, в конце концов зам. министра тоже неплохой. И вдруг после большого футбола, когда все обо всем забыли, маленькая информация: "В Президиуме Верховного Совета". Товарищ Пилюлькин назначается министром культуры СССР. А потом выясняется через полгода, что товарищ Пилюлькин очень славный человек, но он плохо отличает драматический театр от оперного, и мы поставлены в такие условия, что культура гигантской страны пытается помочь ему, чтобы он уяснил себе место, куда его назначили. Правда, среди них бывают великолепные ученики. Все помнят покойную Екатерину Алексеевну Фурцеву, которая тоже не особенно отличала оперу от драмы, но потом стала на защиту нашей культуры и была прекрасным вообще деятелем в этой области. Но это не должно стать системой.

Или, предположим, освобождается место министра водного хозяйства и мелиорации. Все прекрасно понимают, что водные проблемы — это самые острые и на юге, и в центре России, и для всех городов. Нет. Не назначается. Долго его нет. Потом вдруг выищут среди выпускников Высшей партийной школы одного, у которого водяника. И вот его-то непременно назначат министром водного хозяйства. Начинаются длиннейшие годовые дискуссии.

Цвет нашей страны дискутирует с ним по водным вопросам, а ему, бедному, эта вода — вот где сидит.

Я хочу сказать, что если Съезд народных депутатов не образует специальную комиссию по подбору, расстановке и утверждению руководящих кадров нашей страны, то грош нам цена, и мы напрасно здесь собрались. Потому что опять же будем распутывать каждое утро те же самые шарады и вдруг выясним, что посол Берега Слоновой Кости назначен по совместительству послом в Париже. И будем сидеть и думать, чем это вызвано.

Возвращаюсь опять-таки к большой теме о Тбилиси. Конечно, мы создали комиссию. Я должен сказать, что это большая опасность, что мы все время создаем комиссии. Чуть что — как заклинание — комиссию, чуть что — опять комиссию. Товарищи, а много ли решила чернобыльская комиссия? Не остались ли те же язвы, которые были, и после образования этой высокой комиссии? Главная, с моей точки зрения, проблема Тбилиси заключается в следующем: мы должны решить с вами — этого никакая комиссия не решит, — что произошло в Тбилиси. Что там было? Был ли это бунт окраины большого государства, и тогда его действительно надо было привести в повиновение. Или это был праздник национального возрождения? И тогда ни с саперными лопатками, ни с газовыми баллончиками против этого идти нельзя.

Лично я считаю, и Михаил Сергеевич, выступая в Киеве, сказал, что это явление — национальное возрождение. Нам надо выработать свое окончательное отношение к этому, потому что страна бурлит, нас все смотрят и слушают. Приблизительно такие же ситуации были в Риге, Кишеневе, Львове, Киеве и т. д. Не забывайте, что у нас есть много республик, не забывайте, что у нас есть мно-

го военных округов. Помимо Закавказского, у нас есть еще и Одесский военный округ, и Прикарпатский, и Прибалтийский военные округа, и не дай бог, чтобы на следующих наших сессиях нам приходилось слушать с этой трибуны объяснения командующих округов по поводу того, что произошло в Риге, Вильносе, Киеве, Кишиневе, Львове и т. д. Именно для этого, не аннулируя созданную комиссию, я вас приглашаю вернуться еще раз, чтобы выработать свое отношение к тому, что произошло в Тбилиси — бунт или праздник национально-возрождения.

Теперь по поводу языка. Это именно то, что волнует сегодня почти все наши национальные республики. Надо сказать, что русскоязычное население довольно нервозно воспринимает наши заботы о языке, будь то в Прибалтике, будь то в Молдавии или в других регионах. Все спрашивают, с чего это началось? Я хочу сказать, что это все началось, как сказал вчера митрополит Алексей в своем прекрасном, с моей точки зрения, выступлении, с духовного обнищания. Я бы сказал — с духовной деградации. Причем она коснулась не только наших республик, она коснулась в равной степени и России. Русский язык пострадал не менее, чем пострадали наши национальные языки. Каждый культурный человек знает, что между русским языком Чехова и Толстого и нынешним русским языком газеты "Правда" или другой любой нашей газеты приблизительно такая же разница, как между рублем царской чеканки и нынешним нашим бумажным рублем.

И вот деградированная часть этого языка плюс бытовая похабщина и ругательства хлынули в языковую стихию наших республик, и образовалось то, что белорусы остроумно называли "трасянка", то есть

смесь сена и соломы. Это именно то, на чем мы и разговариваем почти во всех республиках — и в Белоруссии, и в Молдавии, и в Прибалтике.

Почему это нас взволновало? Много народов прошло через земной шар и погибли, не оставив следов. О причинах их гибели много написано. В Ветхом завете по этому поводу сказано: в языке жизнь и смерть. Древние иудеи установили, что самым слабым, больным и деликатным местом любого народа является его язык, то есть тот мостик, от которого наше земное начало переходит в духовное. И, конечно же, наша забота о языке диктуется прежде всего тем, что живое никак не может смириться со своей смертью. Не может смириться со смертью живой организм, и живая нация тоже не может смириться перед лицом деградации своего языка. Мы благодарны тому, что центр как-то понял эту нашу заботу: во многих республиках уже язык коренной национальности объявлен государственным языком, в других тоже должен вот-вот утвердиться в этом качестве. Правда, возникает одна деликатная проблема, о которой вчера здесь говорил депутат Олейник с Украины, — о двуязычии.

Действительно, для спасения национальных языков нам надо употребить государственный механизм. Сегодня другое средство не поможет. А объявление обоих языков равно государственными — это означает "привет вашей бабушке". Это означает, на "трасянке" говорили, на "трасянке" и будете говорить.

Кроме того, я думаю, что великий русский язык, а я считаю его вторым своим родным языком после молдавского, он двигался и двигается по всему земному шару на своих собственных авторитетах, своим собственным полетом, и вряд ли что добавит русскому языку, если в каждой из 14 наших

республик ему будет придан статус государственного.

В заключение я хочу сказать, что мы, депутаты, которые прошли прямые выборы, причем очень сложные, должны сообщить нашим друзьям-депутатам, которые были выбраны от государственных учреждений, что мы, хотя и в приличных костюмчиках стоим перед вами, мы все, дорогие друзья, в шрамах и ранах. Это были очень тяжелые "бои", причем бои не с местным населением, нет. Как раз именно благодаря его поддержке мы и находимся сегодня в этом зале. Воевали мы с аппаратом.

И, ради бога, не думайте, что аппарат — это несколько государственных деятелей, которые разъезжают на "Чайках". Это, конечно, тоже аппарат. Но аппарат — и тот бригадир из далекой деревеньки, и парторг, и тот, не знаю какую функцию он выполняет, но который держит в своих руках всю эту массу народа и перед которым народ трепещет. Сегодня, когда мы с вами тут встречаемся, он, этот аппарат, распространяет по всей стране, что результат выборов объясняется употреблением избыточного количества нитратов в овощах и ранней весной, солнечной весной, которая вызвала целый разгул генетического аппарата. И в связи с этой дурью, понимаете, народ как бы вышел из повиновения и выбрал нас с вами депутатами. Да, я заканчиваю.

И сегодня наш избиратель стоит перед этими местными властями и просит то ли молоко, то ли что ему нужно по хозяйству, а ему говорят: ты за кого, дурья твоя голова, голосовал? Вот к нему и иди, пусть он тебе даст.

Я считаю, что если мы воистину являемся представителями народа и высшей властью, то мы, разумеется, должны взять этот простой народ под свою защиту.

И, наконец, две силы, образовавшиеся этой весной, разбуженный народ в лице Съезда народных депутатов и партийно-государственный аппарат. Я заканчиваю...

Я думаю, что перед Михаилом Сергеевичем стоит нелегкая задача выбрать одно из двух: или то, или другое. Я глубоко уважаю Михаила Сергеевича, люблю и надеюсь, что он встанет рядом с детищем своей жизни — перестройкой.

ЛИХАНОВ А.А.

(от Советского детского фонда им. В.И. Ленина)

Товарищи депутаты! А ведь депутаты-то мы с вами во вторую, а то и в третью очередь, а в первую — чьи-то дочери и сыновья, чьи-то матери и отцы, чьи-то бабки и деды! Так отчего же это мы так охотно отучаем себя плясать от печки, от своего первородного предназначения, все больше о демократии, а может, все-таки начать бы с человечности, с того, какие мы родители и дети, причем обойтись бы без грима и помпы во всем, вплоть, так сказать, до мелочей, хотя мелочами я лично это не считаю. Ведь стыдно же нам сейчас за бодрые пионерские куплеты на съездах и прочих взрослых ристалищах, включающие этакий добрый юмор и умеренную критику ответаппарата — малодостойное развлечение подуставших от словопрений партийцев. Дети никогда не бывают виноваты — виноваты всегда взрослые, позволяющие зависимой части общества ублажать их чувство мнимого заботничества о малых сих.

Я бы предложил изменить одну, из старых времен выющуюся традицию, когда на Мавзолей во время демонстраций к нашим лидерам, под умиленные аплодисменты, взбегают отборно-благополучные малыши с букетами цветов, получают

взамен красивые коробки конфет, а потом, одаренные, скатываются на прилежащие трибуны к заботливо возбужденным и гордым за свои чада родителям. Права поговорка — все начинается с детства. В том числе и ложь. Очищая правдой и такие "мелочи", давайте, не отменяя процедуры, сделаем так, чтобы на Мавзолей прибегали не анонимные символы процветания, а дети, обожженные бедой. Может, и подарить-то им можно что-то посущественней, а взамен попросить адресок и через полгода, в канун новой демонстрации, взять да черкнуть такому огольцу открыточку,— как вы думаете, товарищи руководители?хлопот ведь не так уж много, согласно новым выборным правилам, наберется для каждого не более двух десятков таких крестников, но вовсе немало, если мерить нашу жизнь столь человеческими единицами измерения, как детское сердце и ребячьи глаза.

Всю свою жизнь мечтаю о том, чтобы все наши серьезные съезды, конференции принципиального, итогового свойства начинались со статистики, свидетельствующей, насколько изменилась в лучшую — или худшую!— сторону жизнь детей и стариков. Мечтаю о времени, когда в ежегодных и пятилетних статистических отчетах рядом с тоннами выплавленного металла и квадратными метрами нового жилья мы станем печатать отрезвляющие цифры наших непобед: сколько детей лежало в больницах, сколько ребятишек из-за родительского развода осталось полусиротами — между прочим, 700 тысяч каждый год, товарищи!— сколько нами, взрослыми, произведено на свет детей неполноценных в силу пьяного варварства, медицинской некачественности, генетических изломов и прочих взрослых грехов. Мыслей об этих бедах мне до боли не доставало, когда я слушал Ваши до-

клад, Михаил Сергеевич. Детей в стране 83 миллиона, почти одна треть общества. А просвещение нестабильно, занимает в бюджете не ведущее место, про мораль и воспитание я уже не говорю — столько здесь болей и проблем. И вот вновь, как на XIX партконференции, в докладе об этом — лишь полслова. Пусть доклад продлится еще полчаса, но вся страна хочет услышать концепцию власти на эту ключевую тему.

Мы многие годы заклинали и продолжаем мозаклинить себя радужной мыслью, что дети — наше будущее. Но, позвольте, если употреблять местоимение "наше", то дети скорее — наше настоящее. Разговоры о будущем детства как бы позволяли откладывать на потом неотложность сиюсогднншних бед. Шесть тысяч детей в год умирает от рака сегодня — завтра их умрет еще больше, если вместо 800 коек для онкобольных ребятишек не появится 3000 необходимых. Правительство поддерживает предложение Детского фонда о строительстве реабилитационного детского онкоцентра, мы образовали общественную программу "Надежда" в помощь таким ребятишкам и их матерям, но как же много добросердечия потребуется в этой печально-трагической работе, как много любви и самоотреченности — их-то где взять? Если существует донорство — переливание крови от одного человека другому, то дело чести нашего общества, всей перекройки сознания в том, чтобы утвердить донорство духовное — помощь не словесную, а действительную, в поступках выношенное переливание сил и веры от сильного — слабому, от старшего — младшему.

В нашей стране — и спасибо за это непредубежденному здравомыслию — возрождается благотворительность. Любопытно, что страдающую ребят-

ню и наш Детский фонд первой поддержала немущая часть нашего общества — старики и больные люди. Целые бумажные простыни с перечнями рублевок и трешек из скудных пенсионеров, обитателей современных богаделен получили и получаем мы и понимаем, что беду лучше всего разумеет ее вкусивший. Некоторые, хотя, увы, очень немногие пока, деятели культуры и науки встали рядом с нами, объединенные Ассоциацией советской интеллигенции в защиту детства. Маловато, скажу откровенно, маршалов нашей духовности. Активно помогают рабочие коллективы. Но, главное, средний гражданин скуповат. Я не виню его. То ученые о повышении цен толкуют, то мыло вдруг все измылили, хотя промышленность выпустила его на семь процентов больше за прошлый год,— какие уж тут пожертвования и милосердность. Возникла было у нас надежда на работающего, деятельного человека и на кооперативы, и начали они нам помогать, но тут появился проект закона о налогообложении такого свойства, что боюсь, как бы практическое милосердие опять не превратилось в словесную красоту. А дети не ждут. Они вырастают или не вырастают. Им нужна срочная социальная, нравственная, юридическая, медицинская, педагогическая помощь. Мы занимаем позорное лидерство среди развитых стран по младенческой смертности, соревнуясь в этой горькой статистике не с Америкой, не с Японией или Швецией, а с государством Маврикий, где к тому же темпы улучшения дел втрое превышают наши. Того и гляди обштопают.

В прошлом году специальный десант Детского фонда и Минздрава Союза восемьдесят дней работал в Средней Азии, Казахстане, некоторых областях России. Всего спасено девять тысяч детских

жизней. Это лишь первые усилия, и я хочу поклониться двум тысячам медиков, в основном женщинам, за их добровольческое милосердие, а пользуясь этой телетрибуной, призываю врачей, фельдшеров, медсестер, в ком не угасла, слава богу, гражданская самоотверженность, вновь помочь детям нынешним летом. Кстати, о гласности. Сколько за те 80 прошлогодних дней слов в печати и по телевидению было распатронено о перестройке, о нужности улучшения жизни, а вот о тихом, но милосердном усилии двух тысяч медиков лишь несколько невнятных заметок. Но разве эта работа — не реальный патриотический поступок, достойный поддержки и анализа?

Хочу заметить, что как будто неплохо — дай-то бог! — у нас складываются рабочие взаимоотношения с Минздравом СССР. Создан "Международный круг помощи маленьким жертвам армянского землетрясения". Сотни ребятишек, перенесших его, побывают на летних каникулах по приглашениям зарубежных благотворительных организаций — наших партнеров. Приступаем к программам "Дети Чернобыля", "Дети и СПИД". Вот уж боль, так боль! Недавно мы были у детей и матерей из Элисты, инфицированных СПИДом. Они лежат в московской больнице. Дети, ясное дело, не понимают, что случилось, но матери — их отчаянию нет предела. И они, по сути, никому не нужны. Сколько продлится это вынужденное заключение — страшно подумать — неужели всю их жизнь? Каков социальный статус этих людей? Как им жить? Где? Как работать? С кем общаться — ведь люди бегут от них как от огня? Рана, как говорится, открыта и кровоточит, и нет пока у нашего общества ответа на вопросы безвинно страдающих ребятишек. Старую поговорку — дитя не плачет, мать не

разумеем — в наше время, похоже, пора перефразировать. Дитя плачет — и это уже хорошо всем известно, дважды в последние годы ЦК и Совмин принимали фундаментальные документы о сиротстве конца XX века, а материнская власть местных Советов все никак не понимает, что мало обрядить ничейную ребятню в новые штаны и накормить от пуза, надо ее жизнь еще одушевить, обогреть человечностью.

В старину про помощь сиротам толковали так: не строй семь церквей, пристрой семь детей. Нынче же сирота, да и вообще бедствующий ребенок после казенного заведения — изгой, душа ничейная, если и снабженная на первое время кой-каким харчем, то по сути своей существо бездомное. Куда их? Кого куда. Большинство в ПТУ, а если есть малая зацепка — в "дурдом", так называемый интернат для умственно неполноценных. Я не верю в эту ужасающую цифру — миллион 185 тысяч психически неполноценных детей — хотя бы уже потому, что буквально на днях мы занимались судьбой двадцатидвухлетнего москвича Игоря Черникова — он разрешил назвать свою фамилию. От него еще в роддоме отказалась мать, у паренька инвалидность, дефект свойства физического, но за непослушание, когда подрос, благодетельные педагоги списали его в интернат психический. И вот в 20 лет нормальный парень оказывается в психиатрическом интернате для ветеранов и инвалидов. Нашел в себе силы, вырвался, мы помогли ему с жильем и правами, но по сути разве это не свидетельство нашего бесчувствия — человек без образования, без работы, 26 рублей пенсия про все на все и ни единой родной души вокруг.

Совмин СССР поддержал нашу идею создания семейных детских домов, точнее сказать, опеку-

ских семей и городков. Сегодня, в День защиты детей, в Рязанской области Детский фонд вместе с газетой "Труд" закладывает фундамент первого такого городка. В Литве, Ростове, Саратове "семейства" фонда уже действуют, живут, да вот, Комнаробраз все никак не сподобится утвердить временное хотя бы о них положение, и дело явно тормозится. Традиции старого Минпроса, видать, сильны.

За последние три года планы по строительству домов ребенка в стране выполнены на 44 процента, детских домов — на 40. Есть ли у нас еще хоть одна строка в строительстве, невыполненная столь бесстыдно-презрительно! На недавнем заседании Бюро Совмина СССР по социальному развитию товарищи Чехарин (Совмин России), Махаматалиев (Совмин Узбекистана), Свиридов (Совмин Туркмении) заявили, что интернатные заведения, которые планировали на пятилетку, все же будут построены, но верится в это с трудом. О детских бедствиях, к нашей общей печали, можно — и нужно! — сказать еще очень многое. То, что вчера не просто замалчивалось, а безжалостно вымарывалось, сегодня становится катализирующим средством в нашем общем очеловечивании. Должно им стать! Горестно это признавать, но мы отстали от наших социальных оппонентов не только в области автомобилестроения и сервиса, но прежде всего в области практической реализации лучших человеческих чувств. Посмотрите, как не улыбки мы, как наловчились раздвигать локтями слабых и тихих, как немужественны применительно к женщинам — кстати, огромная мужская масса бежит из семьи, если там рождается ребенок-инвалид, матери задыхаются от бессилия и безденежья, а в результате государственные заведения такого свойства полны существ, испытывающих полную никчемность. В

чем же состоит наш общественный гуманизм, коли за последние пять лет 1795 женщин осознанно убили своих новорожденных малышней? Дети уходят из дома и пропадают без вести. Согласитесь — без вести пропавшие в мирное время, к тому же — дети, разве это не бедствие?

Девятьсот тысяч несовершеннолетних в год задерживаются за правонарушения и бродяжничество. Вновь появились беспризорники. Растет детская преступность. Мрут от туберкулеза дети народов Севера. Бедствуют многодетные семьи. Впервые хочу обнародовать еще две поистине трагические цифры. В 1987 году убито 1299 детей и подростков, а еще 2194 — покончили жизнь самоубийством. Весной белорусские газеты рассказали о судьбе третьеклассника из Минска Саши Ануфриева. Среди бела дня его убили. Убила женщина, бывшая жена Сашиного отчима, в отместку за то, что он ушел к другой. Кого-то эти заметки заделли, кто-то отнесся к этой истории как к факту уголовной хроники. Но почему же, почему мы, столь охотно рассыпающие миллионы наборных строк по самому невзначайному поводу, по пустякам, не стоящим того, не возопили от негодования всем миром? Почему мы, спешно научаясь митинговой демократии, не превратили похороны этого ребенка в шествие протеста против жестокости, в шествие, которое транслировалось бы по телевидению на всю страну?

Михаил Сергеевич, обращаюсь к Вам, как к президенту, с предложением о еженедельном телевизионном обращении к нации. При этом надо основательно расширить тематический диапазон таких обращений, особое внимание уделив большим нравственным вопросам общества.

Мы не переустроим нашу жизнь, пока не понизим болевой порог наших чувствований. Самая за-

пущенная сфера межчеловеческих отношений в нашей стране — совесть. Впопыхах отвергнув общечеловеческую мораль, мы не создали новой морали по той простой причине, что все нравственные устои уже придуманы за тысячу лет до нас.

Благополучие народа не может утверждаться за счет совести. Детство особенно ломко от взрослой бессовестности. Поэтому мы, депутаты от Детского фонда, официально вносим на Съезд в качестве законодательной инициативы предложение о подготовке Закона СССР о правах ребенка и готовы возглавить практическую работу.

Информирую депутатов о том, что в самом скором времени Верховный Совет должен будет ратифицировать международную Конвенцию о правах ребенка, которую уже подготовила Организация Объединенных Наций. В то же время у нас нет подобного аналога. Да и вообще наше законодательство в большом долгу перед детством и семьей, особенно многодетной. Мы предлагаем также не сбивать понятия "материнство" и "детство" — со старых времен недействующий стереотип, а создать отдельно — Комитет по делам женщин и отдельно — Комитет по защите интересов детства и семьи — совместный Комитет Совета Союза и Совета Национальностей. Это поддерживают и депутаты-женщины. Предлагаем, кроме Закона СССР о правах ребенка, поручить этому Комитету подготовить письменный доклад Съезду народных депутатов о положении детей в СССР. Поддержите, товарищи, эти предложения! Еще раз скажу: дети — это наше настоящее. Будущим они смогут стать, лишь если мы поможем им сегодня. Завтра будет поздно.

БЕЛОВ В. И.

(от Коммунистической партии Советского Союза)

Я бы хотел начать выступление с того, что я не понимаю и не принимаю вчерашних двух или трех грубейших выпадов против только что избранного президента. Даже американцы, уж на что шумный народ — и те не требуют импичмента на второй день после избрания президента. Они уважают своего президента.

И вообще я задумываюсь: народные ли мы депутаты? Если действительно народные, то в какой степени? Я понимаю благородство депутата Казанника. Запомнился мне и пафос двух ленинградских депутатов, предложивших снять свои кандидатуры в пользу другой республики. Но я бы на месте ленинградских избирателей не стал голосовать за таких депутатов, которые с такой легкостью отказываются от своих прав. Мы обязаны исполнять волю своих избирателей. Даже депутатское время становится сейчас народным достоянием, и поэтому нам необходимо осознать иерархию ценностей.

В политической борьбе существует много самых разнообразных приемов. Один из них очень простой и надежный — это способ подмены. Можно, например, целыми днями обсуждать процедурную тему или какой-нибудь второстепенный, а то и просто ненужный закон. Нас очень легко спрово-

цировать на затяжную, изнурительную дискуссию по какому-нибудь совершенно случайному поводу, и тогда мы потратим впустую свою энергию.

В тысячах писем от читателей, телеграммах избирателей четко и ясно выражены наказы этих избирателей. Они диктуют мне иерархию моих депутатских ценностей. На мой взгляд, необходимы срочные доработки и уточнения Основного Закона. Особенно важно здесь, во-первых, осуществить дальнейшее совершенствование избирательной системы; во-вторых, утвердить расширение прав местных Советов за счет децентрализации власти; в-третьих, и это самое главное, на мой взгляд, в нашей Конституции должно быть особо оговорено то, что наряду с колхозно-совхозной собственностью на землю должна наконец появиться и существовать частная, с правом передачи по наследству. Я убежден, это можно и нужно решить уже сейчас, на нынешнем Съезде.

Закон, допускающий наряду с колхозной частную, хуторскую, фермерскую собственность на землю, необходим всем народам, населяющим наше великое государство. Принятие такого закона явилось бы доказательством того, что мы всерьез думаем о будущем. Дело не только в том, что надоело кланчить хлеб у других государств. Дело в том, что новый закон о землепользовании в значительной мере сгладил бы множество экономических и особенно национальных противоречий. Он же способствовал бы и экологическому оздоровлению, а также языково-культурному возрождению всех народов нашего многонационального государства.

Я предлагаю называть продовольственную комиссию комиссией по землепользованию. Разумеется, я вовсе не сторонник тех горячих голов, которые предлагают вообще ликвидировать колхозно-

совхозную собственность на землю. То, что многие наши колхозы ограблены и разорены государством, еще не основание для их немедленной ликвидации. Наоборот, нужно прекратить этот грабеж и ликвидировать не сами колхозы, а ведомство Мураховского.

Землею и водой должны распоряжаться не ведомства, а народ в лице его местных Советов с помощью общесоюзных законов. Минводхоз СССР, израсходовавший за последние двадцать лет 150 млрд. народных денег и разрушивший миллионы гектаров лучших земель, поставил сельское хозяйство на грань катастрофы. Это он вместе с гидростроителями и химиками сгубил великую реку, на берегах которой веками жили десятки разных народов! Я имею в виду Волгу.

Курс на разрушение экономики с помощью ведомственных решений продолжается. Недавно Мураховский направил в Политбюро записку с предложением довести к 2005 году площадь орошаемых земель до 40 млн. гектаров. На эти разрушительные цели Минводхоз опять требует от нас 230 млрд. рублей. Не надо давать! На эти деньги можно построить 500 тыс. километров дорог, 10 млн. благоустроенных сельских домов, сотни тысяч школ, больниц, магазинов. С помощью этих миллиардов можно закрепить кадры на селе и оперативно погасить продовольственный кризис. Но мы почему-то не хотим признавать своих ошибок.

Минводхоз, который давным-давно опростоволосился, в 1988 году получил тысячи экскаваторов и бульдозеров. В то же время несколько сот единиц этой техники, запланированной для программы "Дороги Нечерноземья", так и не были поставлены Минавтодору РСФСР. Вообще не мешало бы поговорить о политическом, экономическом и финан-

совом равенстве советских союзных республик. Неравное политическое положение РСФСР в союзе наших республик становится, по оценкам экспертов, источником русофобии. Поскольку в РСФСР отсутствуют такие важные органы, как ЦК, многие государственные комитеты, Академия наук, то и предполагается, что их функции якобы выполняются общесоюзными органами. Не потому ли все общесоюзные органы воспринимаются как русские органы? Их ошибки и просчеты, все пороки нашей системы, в которой живут все наши народы, воспринимаются как ошибки русских людей. Неравенство республик сказывается и в формировании общесоюзного бюджета, в политике заготовительных цен, дотаций и распределяемых фондов. Многолетнее неравенство подтверждается демографической ситуацией. Она, эта ситуация, неблагоприятна не только в РСФСР, на Украине и в Белоруссии, но и в Эстонии, Латвии и Литве. Однако экономическое неравноправие особенно характерно для Сибири и так называемого Нечерноземья. Большинство депутатов нашего Съезда просто не знает удручающих статистических данных по этому делу. Во избежание эмоционального всплеска я не буду зачитывать цифры. Скажу только одно: до революции русские и украинцы имели самый высокий прирост населения. Теперь и те, и другие оказались перед угрозой депопуляции. В стране продолжается голосование ногами. И я не завидую правительствам трех прибалтийских республик, где прирост населения происходит за счет приезжих, а не за счет увеличения рождаемости коренного населения. Нормально ли это? Я глубоко верю в то, что депутаты Закавказья, среднеазиатских республик и прибалтийских, а также депутаты автономных российских республик правильно поймут эту часть

моего выступления. Но я совсем не уверен в том, что так называемое "демократическое меньшинство", вернее, пресса, не приклеит мне очередной ярлык. Однажды "Московские новости" на шести языках уже назвали меня "человеконенавистником". Конечно, брань на восточные ворота не виснет. Если уж и некоторые члены Политбюро, да и сам Михаил Сергеевич Горбачев, научились терпеть бранную клевету, то нам, простым смертным, грех жаловаться. Но меня все же очень беспокоит тот факт, что средства массовой информации, особенно телевидение, находятся в одних руках и зачастую отражают интересы не всех людей, а интересы определенных, причем столичных групп. Тут плюрализм пока что даже не ночевал. Судя по выступлениям, московская группа во многом опирается на науку. Действительно, ни в одной стране нет такого количества академиков, как у нас. В Москве академики сплошь: космические и всякие. Но почему в моей деревне крестьянин косит сено тем же способом, что в XII веке? А каков результат новейшей экономической науки? Результат, по-моему, пока один. Это Рижский рынок в Москве. За четыре года перестройки столичные и прочие экономисты ничего не придумали, кроме городских кооперативов, которые надо было начинать не с города, а с деревни. А как уважать такую науку, которая подарила нам Чернобыль? Я совсем не против науки как таковой, но нельзя же думать только о своих академических интересах. Большинство интеллигенции находится и живет в городах. В моем родном колхозе уже лет пятнадцать в школе не преподают иностранный язык — нет преподавателя. А сможет ли деревенский выпускник поступить в университет или в институт, если в школе даже не преподавали обязательный предмет? Всего около восьми процентов

от общего числа студентов — дети крестьян. А мы не должны забывать, что миром правят грамотные...

Здесь говорилось об опасности хулиганства и экстремизма для нашей юной демократии. А кто виноват, простите? Разве не сами мы, разве не телевидение, не эстрада, не кино пропагандируют культ жестокости и насилия?

Централизация культурной политики, отдача ее на откуп одним и тем же довольно развязным людям не приводит к добру. Вот я зачитаю выдержку из телеграммы: "Просим передать Съезду — предотвратите опошление культуры. Коммерческое кино, эстрада, порнография, авангард, алкоголь, наркотики разрушают надежду на возрождение". Кстати, об алкогольных наркотиках. Невыполнение закона 1985 года вызвало в народе разочарование в действиях Политбюро. Это был неплохой закон. Был закон, да сплыл. Я еще одну телеграмму, вернее, выдержку, зачитаю — с Урала. Женщина пишет: "Я сама от пьяницы мужа, из-за его пьянки развелась. Одна воспитала сына, держу корову, двух телок, овец. Всю войну ребенком выстояла на фабрике, с пяти лет нянька. Сейчас из последних сил держу хозяйство. Сдаю молоко государству, жирность — 4,1. У нас в день выборов начальство послало автобус с урной, в автобусе всем давали выпивку — только голосуй. А народ и так споенный весь. Два мужика в деревне остались, и те лыка не вяжут". Теперь я обращаюсь к членам Политбюро. Вы, вероятно, как все мы, ходите во время перерыва в буфет. Там продают прекрасную ряженку, но если и вот эта женщина запьет, я не знаю, что останется в кремлевском буфете. Пора бы нам понять простую истину, что с пьяным бюджетом невозможно трезвая экономика. У тех, кто жалуется и

сейчас на жестокий бюджетный дефицит, надо спросить: а почему же он получился? Не из-за того ли, что в стране 18 миллионов человек — управленческий аппарат? Во что обходится содержание такого аппарата? А война в Афганистане почему? А Куба, а Никарагуа, Эфиопия? А космос почему? А сколько стоят наши грандиозные фестивали, олимпиады и международные форумы? А минводхозовские каналы сколько стоят? Немудрено быть бюджетному дефициту при таких министрах, как Васильев и Мураховский. Истратили миллиарды, а толку нет и в ближайшее время не предвидится.

Я вынужден процитировать отрывки еще из одного письма, адресованного мне и Валентину Григорьевичу Распутину: "Обращаемся к вам с просьбой выступить с законодательной инициативой об аннулировании Верховным Советом всех сделок о сдаче в аренду участков территории Советского Союза иностранным и смешанным фирмам. О запрещении подобных сделок впредь, а также об аннулировании всех прочих концессий и аренд. Сейчас наступило какое-то торгашеское осатанение. Некоторые готовы с потрохами самого себя продать, да еще при этом и плюнуть на свою Родину. Мало того, что пошла торговля живым товаром (спортсменами, нумерованными на конкурсах красавицами). Мало того, что внутренние доброты готовы за доллары выгрести подчистую все богатства страны. Мало того, что Советский Союз превращается в свалку радиоактивных отходов и вредоносных производств, так теперь пошло и разбазаривание территорий своей собственной страны".

Я продолжаю цитировать: "Что это — крайняя степень политического слабоумия, крайняя степень безответственности, скрытая ненависть к своей стране или циничная продажность? Натрениро-

вавшись на взятках в рублях, потянуло на доллары? Но у нас нет Родины про запас. Здесь нашим детям, внукам и правнукам жить. Это их земля. С какой стати горисполком или облисполком, с какой стати вот эти люди командуют всенародным достоинством? Подобные вопросы должны решать только Верховный Совет или Съезд народных депутатов. Позорные сделки должны быть аннулированы. Позорные сделки по превращению нашей страны в свалку радиоактивных отходов тоже должны быть преданы гласности и отменены".

Трудно не согласиться с этими авторами, но я бы добавил сюда требование опубликовать и обсудить условия всех международных договоров, опубликовать подробности, почему эти условия принимаются и подписываются узким кругом лиц. Я предлагаю Съезду и президиуму Съезда поставить на голосование Съезда вопрос о немедленной подготовке и проведении референдума по атомной энергетике.

Уважаемые депутаты! С трибуны Съезда несколько раз прозвучали гордые, даже ликующие слова о власти. Дескать, отныне и навсегда власть у народных депутатов. Я не разделяю такого депутатского оптимизма. Не торопитесь спешить, как говорили в Одессе! У нас пока нет власти, она принадлежит иным, иногда даже не известным нам людям. Она в руках, в тех руках, в чьих руках телевизионные камеры и редакции газет. У тех, кто сидит ближе к трибуне и кто уже научился пользоваться ксероксами. Даже здесь, на съезде, власть принадлежит именно таким людям. А есть люди, мечтающие вообще о всяком безвластии, о хаосе мечтают. Не забывайте, пожалуйста, об этом. Надо жить и работать со всевозрастающей ответственностью.

Спасибо за то, что терпеливо выслушали.

ЧЕРНИЧЕНКО Ю. Д.

*(Гагаринский территориальный избирательный округ,
г. Москва)*

Я родом из мест, где еще в 60-е годы ты мог слышать от бабушки, которая так утешает внука: "Цыц, москаль прийдет, вон москаль прийдет". Тут нет никакой национальной подоплеки. Хорошая старушка просто хочет попугать своего непослушного любимца. Но когда началось предсъездье и после эйфории выборов — 12 человек было на это место достойнейших людей! — мы попали в прессинг, в обстановку диктуемых списков и необъявленных программ, когда пошла подлинная борьба за власть с властью, вроде бы честно и откровенно выбранной народом, вот тогда и возник такой образ "москаля", пугала, баламута из столицы. Он пошел захватывать расположенные к этому и довольно рьяные умы. Бедный Дом политпросвещения на Трубной площади — а он на пять недель в самом деле стал Домом и полит- и просвещения! Там собирались люди, которых знала вся страна. Они ночью ковали, так сказать, недопустимые вещи — концепцию и программу этого Съезда!

Неудобно впутывать руководство (нам же с ним жить), но должен доложить по секрету, что с нами там заседал и Лев Николаевич Зайков, первый мос-

ковский секретарь, и даже Анатолий Иванович Лукьянов.

То, что мы вынесли, выковали, то, что представляет такую опасность для вас с нами, было размножено и роздано депутатам на встрече делегации РСФСР не без серьезного отпора. Кто, мол, вам позволял?

История с московской группой — это страх перед реальной политической инициативой. Инициатива — на то она и инициатива, чтобы быть наказуемой. Чутко уловив полугласную команду, один предложил профессору — чисто маодзедуновский прием — перековаться в цеху, другой потянул к ответу за дефицит, третий указал — "вон откуда пошла эта пакость аренды и кооперативов!" А очаровательная депутатка из Казахстана даже лишила их своего женского расположения.

Послушное негодование — оно ведь, будем паямтливы, совсем недавно плевало в Пастернака, клеймило Твардовского, кричало вслед Сахарову — "распни его". И люди постарше, несколько опытнее недоступной делегатки, хорошо должны представлять самочувствие академика или писателя, который проклинает день и час, когда его рука поддалась слабости и он поставил свою подпись под низким документом. Но ничего не сделаешь, уже не сотрешь это в памяти народной и истории. А итог — в Верховном Совете по тому или по другому поводу не оказались экономисты Абалкин, Богомолов, Шмелев, Тихонов, Петраков, Попов, ну, естественно, нет социолога Заславской, историка Афанасьева. Там почти нет юристов. Нет ни одного из публицистов, прошу учесть, которых жадно читала страна! Это что — вспышка культурной революции? Или "мавр сделал свое дело, он может уходить"? Только не нужно сейчас, пожалуйста, мне о

ротации. Все понимают, что случайности тут нет никакой, и права старая колхозная припевка: "Не сама машина ходит, тракторист машину водит".

Новое вино выборного энтузиазма вливали в старые мехи партийного диктата, вот в чем суть. Я старый коммунист, скоро сорок лет. "Партия" в переводе значит "часть". Когда часть делается большей, чем целое, возникает нужда в опасности, в заговоре. Выборы были, как никогда, коммунистическими. Народ четко разделил партию и чиновный правящий аппарат. Но в предсъездии негласно аппарат взял реванш и начал утверждать на Пленуме ЦК даже руководителей парламентских комиссий, порождая непослушание самых поклаdistых, зачитывать списки, которые никто из слушающих не составлял. Анонимность инициативы, закулисные деяния — какой же все это анахронизм! Как это отдаёт мстящими ораторами апрельского Пленума, что считались первыми, а по выборам вышли последними.

Если миллионы проснувшихся к политической жизни отвергают окружные собрания как начальное звено бюрократии, то они никогда не одобряют и финальные фильтры, практику сломанного бойка, методику оговорок "как правило" и "в порядке исключения", при которых весь пар так ловко стравливается в гудок. "Разделяй и властвуй!" — больше не проходит. Хочешь продуктивно властвовать — соединяй и достигай цели!

А это не я говорю. "Вы нас выбирали?.. Для чего? Для того, чтобы мы рассуждали, спорили и решали. Но если бы во всех спорах видеть уклоны, то поставьте тогда куклы или манекены. Но кто бы тогда стал за этих манекенов думать?" Это слова Алексея Ивановича Рыкова, первого после Ленина Предсовнаркома!

Перестройка закредитована. Все жданки мы проели. Если по счету ленинского нэпа 1921 года, то мы живем уже в 1925-м, а к этому времени страна была накормлена, обута и нарком Красин не успевал отвозить русское зерно туда, за золото. "Да вы скажите же Горбачеву, пусть он накормит народ!" — восклицает очень рьяный поклонник перестройки там, за кордоном. У него, видимо, царистские взгляды, он думает, как многие из нас, что это дело может сделать один человек. Мы, слава богу, пришли к выводу, что "никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и не герой". Никогда не накормит народ принудительная система земледелия!

Мы многое потратили на подход к истине, что все закономерно. Не виновата ни природа, соединившая в наших регионах все природно-климатические зоны мира, ни почва наша несчастная, вмещающая почти 190 миллионов гектаров чернозема — украшение планеты. Виновато одно: причины нищеты людей и умирания пашни — только и исключительно политические причины.

Сталинизм в сельском хозяйстве — это экономическая Вандея. Она не только способна торпедировать перестройку, она уже делает это. Не нужно эксплуатировать слово "план". План, который методически не выполняется, который тащится кое-как за счет совершенно недопустимых изъятий из одной отрасли, из другой или из подспудного кровососания, так сказать, обмена своей нефти на чужой хлеб,— это не план. Это что-то другое, нужно ему находить слово и тогда снабжать его словом "Гос" или что-то другое — "Госплан".

Как ни объясняй, никому нельзя, здравому, объяснить экономику, которая производит тракторов в пять раз больше на душу населения, комбайнов — в десять раз больше на одну душу, чем Соединен-

ные Штаты Америки, а хлеба производит почти в два раза меньше. Но это еще полбебды. А башмаков производит втрое больше (лучше бы она их и не производила!), чем США. Но тут еще другие вещи. К примеру, с сахаром. Ну, вот мой внук, слава богу, научился ходить с карточкой в очередь за сахаром. У нас его 31 килограмм на душу населения, в Штатах 22 — и никакой очереди нет и талонов нет (теперь и в Москве талоны). Но по сравнению с промышленностью, то руды мы производим в шесть раз больше, чем Штаты, а современных синтетических смол и пластмасс — в шесть раз меньше, чем Штаты. Зачем же такая индустрия?

Если об электронике, то здесь присутствует уважаемый и самый верховный наш счетчик товарищ Осипьян. Я с ужасом узнал, что он — ведущий электронщик и большой специалист в физике — считал на счетах. Это войдет, я думаю, в историю.

Да, система, представленная арестованным в 1926 году рублем и командующим, но не отвечающим аппаратом, ведет к национальному унижению. Не будем детьми, которые думают, что Бурадино, деревянная кукла, их любимец, действует сам. Над ним стоит кукловод. Мы с вами договорились словно бы (потому что седьмой день заседаем, и ни одного слова о полном диктате партийного аппарата) о том, что ни один волос не упадет с головы крупного рогатого скота без согласия или команды Сельхозотдела ЦК!

Мы этого не принимаем, хотя мы бьем Мураховского. Каюсь, я — защитник Мураховского. На 168 избирательных и писательских встречах я говорил, что товарищ Мураховский ни в чем не виноват. Над его кабинетом можно было бы написать, как в американском салуне: "Просьба в пианиста не стрелять, он играет как умеет". Потому что до вось-

ми замов и министров сидят в кабинете-приемной зам. зав. отделом ЦК. Это все знают, но это не нужно говорить. В воспитанном обществе это считается невоспитанным.

Я большой любитель телевидения, сейчас с огромным интересом смотрю телевизионно-просветительские программы Егора Кузьмича Лигачева. Он ездит по стране, многое узнает, видимо, потому, что это для него новая отрасль, и он охотно делится с нами. Мне это безумно приятно. Такой культ-проп — он у многих тележурналистов отбивает их хлеб, и это все прекрасно. Я только хочу сказать, хочу спросить, как меня спрашивали 168 раз: почему на отрасль, политически существенную, отрасль, определяющую возможность и будущие дни перестройки, поставлен человек, в этом деле ничего не понимающий и провалившийся в идеологии? Как это могло возникнуть?! Этого я не знаю.

Я понимаю, бюрократия наднациональна, и русский чиновник также был однотипен с Марксовым прусским чинодралом, поклонялся чуду, тайне и авторитету одинаково. Но конкретную нацию, данный социум, данное соединение наций бюрократия унижать может — и весьма продуктивно. На мой взгляд, она унижает ее минимум по трем позициям. Сумму наций — я не хочу здесь вмешиваться в эти раздоры, потому что это касается нас всех.

И первое, о чем не говорилось, увы, на этом Съезде, унижает наш постыдный экспорт. Мы вывозим 200 миллионов тонн нефти. У кого не стояли машины с пустыми бензобаками? 200 миллионов тонн нефти в год, по преимуществу сырой! Что, нам кружит головы слава эмиратов? Ведь это же разбазаривание внукового добра. Так хозяин делать не может. Это унижение меня перед моим внуком. Я не знаю, что я ему передам.

Все другое тоже. Меня задевает унижение импортом. Импорт того, что вырастает на своих землях, вещей и материалов, вполне возобновимых, импорт зерна, мяса, масла крайне выгоден тому, кто продает, и разорителен для того, кто покупает.

Не верьте, уважаемый зал, не верьте, депутаты, что мы покупаем какое-то там второсортное, какое-то ненужное зерно. Ничего подобного! В прошлом году, по данным Госкомстата, куплен 21 миллион тонн пшеницы. Назовите здравую голову, которая может объяснить, почему закуплен этот 21 миллион тонн, когда страна производит той же пшеницы в два раза больше, чем ей самой нужно? Где шизофрения, а где логика? И как вы можете после этого учреждение авторитетное называть — Госплан? Это длится не год, это длится десятилетия. В прошлом году я отметил 25 лет — четвертьвековой юбилей этой антинациональной практики. Когда меня спрашивают: "А Мураховский верит в колхозы?" — я говорю: "Между нами — нет". — "А в совхозы он верит?" Я говорю: "Никоим образом". — "Почему?" Да потому, что он платил бы своим прежде всего, и за 25 лет все выросло бы дома, у себя. Потому что Казань, и Рязань, и Кубань, и Кулунда давно бы уже перестроились на эти чудовищные миллиарды, а у страны социализма не было бы облика международного нахлебника, какой есть за рубежами моей Родины.

И, наконец, третий, последний этап унижения. Это унижение техническое. Мы стали людьми отсталыми повсеместно, понимаете? У эстонцев есть такое слово — "русская работа", но это может быть меж соседями. Это плохо — "русская работа", но, к сожалению, и эстонское изделие, и каракалпакское тоже стало таким. Мы, что ли, в этом виноваты? Мы генетически не такие, что ли? Нет! Виновата

политическая система, которая может руководить, сама за это не отвечая. Сейчас, я просто не укладываюсь...

Я участвовал в аграрной — в той обширной и, на мой взгляд, очень деловой — записке, которую огласили вам вчера уважаемые аграрные депутаты. Это тоже пример группы, и ничего худого в этом нет.

Я только требую одного в эти последние секунды. Не заболтать, не замотать все в "потом-потом". "Завтра, завтра, не сегодня"— это говорят не только ленивцы, это говорят политические мастера, которые могут увести в неведомую даль, чтобы сегодня не возникли короткие замыкания. Они возникнут не короткими, они очень долгими возникнут! Мы у края такого недовольства, края такого раздражения! Токсины очередей и раздражения семейные так набили национальную печень, что можно ожидать самых неприятных вещей.

А я соглашатель. Я хочу увести людей с митинга на работу, хочу отвлечь его от разговоров или от забастовок. У тебя есть все — богатей. Тебе дали землю. Я предлагаю, вместе с московской группой, принять Закон о земле. Повторить вслух ленинские, самые революционные после слов "Вся власть Советам!" слова "От продрозверстки к продналогу", в смысле национального спасения и утишения страстей, в смысле ликвидации дефицита продовольствия в два-три года. Сейчас, а не когда-нибудь после! Если мы к следующей сессии, осенней нашей встрече, не примем торжественно, с пением гимнов национальных Закон о земле — грош нам цена. Доверия нам с вами больше не будет.

А насчет московской группы — уберем слово "московской". У нас уже столько челябинцев и оренбуржцев просятся для человеческого разговора, с Камчатки и Чукотки, из Курска и невесть отку-

да... Нам, кажется, предоставлен здесь Малый зал в Президиуме Верховного Совета. Мы приглашаем всех, включая Мешалкина. Жалко, что нет Нины Андресвой, а мы и ее бы с большим удовольствием пригласили как индикатор новизны. Благодарю вас!

ЕВТУШЕНКО Е. А.

*(Харьковский — Дзержинский избирательный округ,
Украинская ССР)*

Дорогие товарищи, нелегко сеять семена перестройки в землю с трещинами национальной розни. Чего стоят тосты за дружбу народов, когда под ножки банкетного стола подтекает кровь! Дружбу народов надо начинать даже не со школы, а еще с детсада, с улицы, с автобуса, с магазина, где еще, к позору нашему, то и дело можно слышать такие оскорбительные для национального достоинства выражения, как "хохляндия", "кацап", "жид", "армяшка", "чучмек", "чухонец", "кацоншка", и так далее.

В развитие мысли депутатов Лихачева, Горбунова, Олейника предлагаю новую статью к главе девятой Конституции СССР: "Суверенитет и национальное достоинство каждой республики СССР гарантируется всеми другими республиками. Оскорбление любого, даже самого малочисленного народа, неуважение к его языку, законам, культуре, экономике, обычаям, верованиям, волеизъявлению считать уголовно наказуемым оскорблением всех советских народов".

Нельзя отмыться от прошлого, если нет мыла.

Так называемая "сильная рука" всегда готова зловеще прирасти к рыхлому телу слабой экономики. Если нет демократии экономики, то демократия всегда под угрозой. Недемократичность эко-

номики объясняется прежде всего культом личности, который у нас никогда не прекращался,— культом личности государства. Документ, зачитанный здесь от имени нашего многострадального крестьянства,— это крик самой земли, насилуемой бесконечными противоречащими друг другу постановлениями, как ей, земле, надлежит жить, что она, земля, должна делать, а чего не должна. Разделяю в этом пункте глубокую боль моего давнишнего оппонента Василия Белова, а по другим пунктам мы еще поспорим. Продолжая идею Адамовича, предлагаю отменить специальным Указом Верховного Совета все сразу приговоры всем так называемым "раскулаченным", тем самым наконец-то признать вину нашего общества, преступно позволившего лишить землю ее стольких истинных хозяев. Поддерживая Стародубцева, предлагаю выбросить из статьи 19 Конституции СССР оскорбительную, дурацкую формулировку о необходимости стирания граней между городом и деревней, что действительно стерло столько деревень с лица земли. Предлагаю выбросить из Конституции полностью статью 22 о превращении сельского труда в разновидность индустриального, что принижает, примитивизирует великую поэтическую профессию хлебороба.

Кульм личности государства отрицательно сказался и на промышленности, давно ставшей не только долгостроем, а вечностроем "счастливого будущего".

Мостовики добавляют в строительный раствор соли, чтобы раствор "схватился". Но если в спешке кладут слишком много соли, то она затем разъедает железную арматуру. Наша экономика похожа на такой пересоленный, разъедаемый коррозией мост, чьи бесконечные ремонты переросли стои-

мость самого моста. Отраслевые министерства похожи на раздутые ремстройконторы, а Госплан похож иногда на гигантское ателье по мелкому ремонту платья голого короля. Культ личности государства привел к государственному монополизму. Государство, монополизировав все основное производство — от канцелярских скрепок до ракет,— стало похоже на неуклюжего динозавра с рахитичными, подгибающимися от веса туловища ножками и с крошечным мозгом в голове, находящейся слишком далеко от хвоста. Монополия государства на предприятия и землю — это не социализм, задуманный Лениным, а какой-то полуфеодальный, антигосударственный государственный капитализм. Антигосударственный — потому, что он невыгоден самому государству. Показатель силы государства — это не количество тех, кто с ложкой, а жизненный уровень тех, кто с сошкой. Быть такими бедными, как мы, при таких феноменальных природных богатствах — вот неоспоримое доказательство экономической бесперспективности культа личности государства, государственного монополизма. Надо дать свободу творчества, в том числе и экономического, не только интеллигенции, а всем рабочим, крестьянам, служащим, интеллигенции.

Статья 40 Конституции, начинающаяся словами: "Граждане СССР имеют право на труд", не только примитивна, но и оскорбительна. Даже заключенные — это тоже граждане, и тоже имеют право на труд.

Предлагаю новый текст статьи 40: "Граждане СССР имеют право на свободный труд. Свободный труд подразумевает свободный выбор труда: коллективного, семейного, индивидуального, государственного, колхозного, кооперативного, акционерного, арендного. Свободный труд подразумевает

право выкупа у государства средств производства, а также право на производство средств производства. Земледельцы имеют право на владение землей как основным средством производства. Землю предоставляют местные Советы сроком до ста лет с правом наследования. Свободный труд — есть право продавать продукты труда по цене производителя там, где решит сам производитель. Свободный труд — есть право производителей после уплаты госналогов самим определять фонд зарплаты и фонд развития. Свободный труд — есть право производить не то, что насильственно диктуется сверху, а то, что диктуется необходимостью рынка, нуждами народа".

Предлагаю из преамбулы Конституции СССР выбросить хвастливую шапкозакидательную формулировку: "В СССР построено развитое социалистическое общество". Надо сначала его построить, а уж потом хвастаться. Следовало бы сократить, а в ряде случаев прекратить помощь слаборазвитым странам, пока наша собственная страна не станет высокоразвитой.

Мои избиратели из города Харькова — этого своего рода Ленинграда Украины, где интеллигентный рабочий класс и подлинно рабочая интеллигенция, дали мне наказ — строгий наказ — внести в седьмую главу Конституции следующую статью: "Граждане СССР, независимо от их партийного, государственного и общественного положения, обладают лишь равными правами со всеми другими трудящимися в сфере торгового обслуживания, в сфере здравоохранения. Существование в открытой или скрытой форме привилегированных спецмагазинов, спецаптек, спецбольниц считать антиконституционным нарушением принципов социалистического равноправия".

Товарищи! Конечно, должны быть депутатские привилегии. Нам, к сожалению, при сегодняшнем положении с билетами нужны депутатские кассы, нужно срочное размещение в гостиницах, в связи с важностью народных заданий. Но, товарищи, иметь роскошные депутатские комнаты в аэропортах, на вокзалах, когда рядом спят вповалку женщины, дети, старики,— это уже стыдобница. Мы же с вами Съезд народных депутатов — высший орган власти. Давайте с разрешения председательствующего на собрании совершим сейчас хотя бы одно крошечное, скромное волшебство демократии, проголосуем за то, чтобы все депутатские комнаты отдать под комнаты матери и ребенка и престарелых. (Оратор поднимает удостоверение. Зал его поддерживает.) Спасибо за поддержку!

Ленин в речи на собрании, посвященном его 50-летию, пророчески предупреждал: "...наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение,— именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное" (В.И. Ленин, ПСС, том 40, с.326-327).

И разве не было, товарищи, этого зазнайства, этого партийного самонаграждения, партийного самославословия, когда портреты вождей, лозунги "Слава КПСС" и так далее контрастировали с убийствами миллионов трудящихся, с личной коррупцией, с развалом экономики, с гибелью наших невозвратимых мальчиков в Афганистане?

Историческая заслуга творческой части партии и лично М.С. Горбачева в том, что они мужественно взяли курс на новое мышление. Но новое мышление несовместимо с прежним инерционным партийным монополизмом на выдвижение советских и государственных руководящих кадров. Чле-

нов партии в нашей стране около 20 миллионов. Но у нас около ста миллионов беспартийных взрослых! Это же золотой неисчерпаемый запас потенциальных руководящих кадров, а мы продолжаем мусолить все ту же засаленную номенклатурную колоду. В стране нет ни одного беспартийного министра СССР. Днем с огнем не найдешь беспартийного генерального директора. На всю страну, по-моему, лишь один беспартийный министр республики — Раймонд Паулс и лишь один беспартийный редактор всесоюзного журнала Сергей Залыгин, которых на всякий случай надо записать в "Красную книгу". Мне были непонятны здесь высказывания о якобы организованных "темными силами" на нашем Съезде атаках на партию. Здесь всего 292 беспартийных, т. е. меньше 13 процентов. То, что здесь говорилось, товарищи, это практически лишь внутривнутрипартийная дискуссия! Не выступал против партии ни академик Лихачев, ни отец Питирим. Хватит "врагомании"! Пусть те 38 секретарей партийных комитетов, которые были забаллотированы, тоже не объясняют это атаками на партию. Это просто отрицательная оценка народом их личной деятельности.

Мы уважаем партию за все лучшее, что она делала и делает, и верим, что она может сделать еще много, но нам не нужен ничей новый персональный культ личности, ни культ партии.

Михаил Сергеевич, помните, что теперь Вы не только Генеральный секретарь ЦК КПСС, но и Президент 100-миллионной партии беспартийных, и мы, беспартийные, просим Вас не позволять в дальнейшем такого же кадрового зажима беспартийных в нашей стране. Все мы — партийные и беспартийные, должны быть в единой неделимой партии — партии народа!

Предлагаю дополнительную статью к главе седьмой Конституции СССР: "Граждане СССР, независимо от партийности и беспартийности, имеют право на полное равноправие при выдвижении на любые советские государственные посты, включая самые высшие".

Предлагаю также заменить текст статьи 6 на следующий: "Согласно историческому лозунгу большевиков: "Вся власть Советам", главной руководящей и направляющей силой советского общества являются Советы народных депутатов — равноправный союз партийных и беспартийных на основе идей социализма. Высшим органом власти является Съезд Советов".

Предлагаю специальным Указом Верховного Совета СССР аннулировать приговоры по всем так называемым диссидентским процессам. Вернуть советское гражданство всем, у кого оно было несправедливо отобрано. Предлагаю лишить права на медицинскую практику всех психиатров, которые, нарушая клятву Гиппократова, под видом инакомыслящих запикивали в психушки нормальных, свободомыслящих людей.

В развитие предложения Друцэ, исходя из моего глубокого уважения к нашей армии, предлагаю в статье 31 Конституции СССР следующее добавление в своей редакции: "Советская Армия кровью заслужила благородную репутацию спасительницы мира от фашизма, и никто не имеет права толкать ее для использования в карательных акциях ни против советских, ни против других народов. Государственные лица, отдающие такие неконституционные приказы, должны быть преданы суду".

Предлагаю отменить не только статью 11¹ Указа от 8 апреля, по которой можно привлечь к уголовной ответственности за справедливую критику вы-

шестоящих лиц, но и заново пересмотреть весь этот крайне неряшливый и опасный Указ. Там есть, например, шпиономанский смехотворный пункт по поводу так называемой "иностранной множительной техники", как будто все наши магазины набиты своими отечественными ксероксами. Заметим, что тезис об ускорении вообще почти исчез, и даже Михаил Сергеевич его больше не повторяет. Почему? Да потому, что средств ускорения нет, и ксерокс — один из них. Так что вместо бдительного тезиса Василия Ивановича Белова, примерно такого: "Каждый ксерокс — на заметку" предлагаю тезис: "Каждому советскому человеку — личный ксерокс". Может быть, ксерокс поможет и Василию Ивановичу в его писательской работе.

Я заканчиваю, товарищи, у меня еще есть три минуты. Предлагаю открыть являющуюся органом Съезда Советов постоянную всесоюзную газету "Голос депутата" с неограниченной подпиской. Поручить эту газету беспартийному редактору, хотя бы ради уникального эксперимента.

Объявить конкурс на новый Гимн Советского Союза, ибо слова сегодняшнего безнадежно устарели.

Предлагаю следующие изменения в Закон о выборах: "Выборы должны быть всеобщие, равные, прямые, тайные. Никаких окружных собраний. Все одномандатные выборы, включая выборы Председателя Верховного Совета, будут впредь считаться недействительными. Все организации, включая партию, имеют право лишь выдвигать кандидатов. Право выбора остается за главной организацией — за народом".

Товарищи! Почему мы выиграли Великую Отечественную войну? Потому что у всех нас было и желание общей победы, и чувство общего врага. Не

будем искать сейчас врагов друг в друге, ибо у всех нас общие враги — это угроза ядерной войны, страшные стихийные бедствия, национальные конфликты, экономический кризис, экологические беды, бюрократическая трясина.

Перестройка — это не только наша духовная революция, это наша вторая Великая Отечественная война. Мы не имеем права не победить в ней, но эта победа не должна нам стоить человеческих жертв. Спасибо.

АЙТМАТОВ Ч.

(от Коммунистической партии Советского Союза)

Есть такое выражение — "вот мы и свиделись". Эта фраза означает некий этап в непростом разговоре между людьми. Я хотел бы сегодня произнести ее, обращаясь к вам. Вот мы и свиделись. Так вот, на этой стройплощадке, где мы воздвигаем собора здание новой демократии, пока что многовато толкотни, неорганизованности, несдержанности. Естественно, переживаешь. Все эти дни меня не покидали чувства и боли, и надежды, тем не менее (ибо как бы то ни было — работа идет) стены поднимаются, и это главное.

С первых минут Съезда всех нас волновал вопрос, каким должен быть форум народных депутатов? Сумеет ли он обрести безусловный императив высшего органа независимого народовластия или снова падет послушным и удобным инструментом к ногам правящей бюрократии?

Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что, преодолевая тернии схваток, полемики, самоборений, осмысливая и переосмысливая свое прошлое и настоящее, Съезд в процессе своей работы обрел облик принципиально нового демократического явления на поприще всей нашей истории, в нашем самосознании, во мнении мировой общественности.

Наши демократические чаяния после десятков лет народного безмолвствования, после десятков лет абстрактных обещаний торжества абстрактного коммунизма, после тяжкого духовного порабощения, после идеологического и экономического тоталитаризма, самообмана и лжи наконец-то находят цивилизованное законотворческое воплощение. Пусть это только начало, но уже трудно переоценить значение данного феномена не только для судеб Отечества, но и в целом для всего мира. Ибо мы часть человеческого материка, и от нашего выздоровления, от того, насколько верно сможем мы найти пути выхода из тяжелейшего экономического кризиса, насколько мы будем поглощены конструктивными действиями по устройству правового государства и обеспечению свободы личности, насколько мы будем преуспевать в налаживании межнациональных отношений, насколько гармонично мы сможем интегрироваться в живой, взаимодействующей структуре мирового сообщества, насколько мы сможем развивать в себе понимание приоритета общечеловеческих ценностей, избавляясь от варварского учения о мировой революции, насколько мы будем менее догматичны, менее агрессивны в наших суждениях и идейных противостояниях с другими мирами,— настолько облегчим мы участь современного человечества и, разумеется, свою. Повсюду в окружающих нас странах люди сейчас прикованы к телевизорам, переживают и таят в сердцах надежды на лучшее. Так оно должно и быть. Мы — великая многонациональная держава, от нас должны исходить позитивные импульсы, позитивный опыт, даже когда мы занимаемся сугубо внутренними делами, даже когда речь идет о поразивших нас социальных бедствиях.

Как нам жить дальше? Как нам выходить из положения на виду у всего мира? У каждого это на уме. Позвольте и мне высказаться по этому поводу.

Экономика. В стране нет ясной экономической концепции. И в этом камень преткновения. Очень опасное состояние дел зашло слишком далеко. На фоне массового недовольства и порицания не составляет, конечно, особого труда погарцевать на коне критики, привлекая внимание телезрителей. В этом смысле мы все преуспеваем, только вот как практически наращивать количество и повышать качество продуктов труда, каким способом добиваться этого в масштабах великой страны? Мало кто знает.

Окрыленные духом перестройки и гласности, теперь мы начинаем прозревать на краю развергшегося материального кризиса. И если справедливо полагать, что в нашем деле повинно главным образом недалёковидное, некомпетентное руководство, неэффективность реформ, непоследовательность перестройки, то это еще далеко не все. На телеге без колес не поедешь, сколько ни хлещи лошадей.

Переход от принудительного по сути дела труда, от наследия казарменного социализма, категорически исключавшего самостоятельную инициативу человека, его предприимчивость и конкурентоспособность, как классово нетерпимое, неприемлемое противодействие уравнилельной, унифицированной, обезличенной политики, иным быть и не может. Оно, это наследие, породило самое страшное зло. Имя ему — всеобщая отчужденность, тотальная отчужденность всех от вся: правительства от народа, народа от правительства. До самого последнего времени народ был отстранен от живой политики, и вот на наших глазах происходит лом-

ка, массовый прорыв к осмыслению своего положения в обществе самим народом. И поэтому, на мой взгляд, настало время осмыслить пути возрождения. Как изжить в целом в обществе и в каждом из нас насаждавшуюся годами психологию отчужденности и этакого холопского отношения — ухватить побольше, а поработать поменьше?

Для этого надо думать о самой системе общества, о коренных ее свойствах, о ее неполноценности. Жизнь подсказывает: на повестку дня выступит необходимость умелого сочетания различных форм собственности, сочетания различных форм производственных отношений в максимально допустимых условиях социализма. Кстати, о социализме, о святая святых наших теоретических учений. Не следует превращать понятие социализма в икону. Надо не молиться на социализм, а социализм, — во все более оснащенной и разработанной форме, — должен служить людям для созидания и благоденствия. Пока мы гадали, судили и рядили, каким должен быть и каким не может быть социализм, другие народы уже его имеют, построили и наслаждаются его плодами. Причем мы своим опытом сослужили им хорошую службу, показав, как не следует строить социализм. Я имею в виду процветающие правовые общества Швеции, Австрии, Финляндии, Норвегии, Голландии, Испании, наконец, Канады за океаном. О Швейцарии я уже не говорю — это образец. Рабочий человек в этих странах в среднем зарабатывает в четыре-пять раз больше, чем наши рабочие. Социальная защищенность, уровень благосостояния трудящихся этих стран нам может только сниться. Это и есть реальный и, если хотите, рабочий профсоюзный социализм, хотя эти страны и не называют себя социалистическими, но от этого им не хуже.

Как же мы себя закабалили в неподвижности своего социализма! Почему наш шахтер должен объявлять голодовку, чтобы ему продали автомашину, которая в упомянутых странах на выбор, как обувь? Почему наш чабан должен добиваться приема у Председателя Совмина республики, чтобы пасть на колени и выпросить резину для своего устаревшего УАЗика?

Суть социализма не в терминологии, а в самой этой сути. Когда я высказал однажды подобную мысль в редакции одной нашей солидной газеты, мой собеседник зажмурил глаза и покачал сожалеючи седой головой: "Тебя бы за такие слова в 1937 году на месте поставили бы к стенке". Не сомневаюсь, тем более что у меня есть на этот счет семейный опыт. И вот от того тупикового, извините, мракобесного нашего состояния взрыв перестройки явил нас сюда, на этот Съезд. Так давайте же думать и решать, может ли сталинский социализм двигать нас вперед? Нет, в этом мы уже убедились. Нам надо перенимать все положительное, весь положительный, подходящий для нашей большой, специфической страны опыт передовых высокоразвитых цивилизованных стран, опыт правовых государств. Если мы сами не умеем, надо изучать, как другие умеют жить и работать при действительно реальном социализме. И в этой связи, товарищи, два небольших конкретных предложения.

Первое, вынужденное, но неизбежное — надо взять на Западе большие кредиты и утолить дефицит. Понимаю: долги, кабала. Но у нас огромные потенциальные возможности — расплатимся, со временем рассчитаемся. Брать, пока не поздно,— это первейшая пожарная мера.

Далее, вчера мы слушали выступление и обращение по вопросам сельского хозяйства. То был

вселенский плач по деревне. Плакать хочется, тем более тому, кто сам вырос на крестьянской ниве. Помогать крестьянству надо всем миром. Я предлагаю по аналогии с возможностью альтернативного выбора при прохождении военной службы в европейских странах, когда молодой человек, исходя из своих моральных соображений, обязуется воинский срок отслужить, отработать на тяжелых участках, например, в онкологической больнице в качестве медсанитара,— если бы было и у нас разрешено нечто похожее: желающим призывникам отбатывать свой армейский срок на селе. Тем более что поголовный призыв в армию — тоже не лучшее наше украшение. Во всяком случае, мне кажется, над этим вопросом стоило бы поразмыслить.

Вслед за экономикой, вторая наиострейшая проблема — это наши национальные взаимоотношения. Хорошо, что создана комиссия по Тбилиси — в любом случае должна быть выработана законная гарантия защиты народа нашей страны от насилия. В целом я разделяю идею полноценного социалистического суверенитета союзных республик, без этого статус федеративности превращается в фикцию. Однако совершенствование суверенитета, на мой взгляд, следует вести методично, продуманно, последовательно, путем законоположений, а не эмоций, и не спешить одним заходом поставить все точки над "i". Слишком дорого то, что есть, и слишком ответственно то, чего мы хотим.

Проблемы национальных языков наиболее близки мне, и я хочу на них также коротко остановиться.

Речь идет о концепции государственных языков в республиках и о том, чтобы придать этому процессу законное основание. Правильно, надо обдумать общую модель. Считаю, что федератив-

ность государства должна интегрировать и федеративность языков страны в том смысле, что языки коренных народов союзных республик должны функционировать в качестве государственных. Опять же и в этом деле должны соблюдаться, как мне представляется, разумная последовательность, разумная, убедительная согласованность. Короче говоря, национальным языкам республик, длительное время игнорируемым на местах, должен быть предоставлен режим наибольшего лингвистического благоприятствования, с тем чтобы, возродясь, они заняли свое законное место. Вопрос этот весьма сложный, в частности в Средней Азии. Многим нашим согражданам, не привыкшим в официальной среде к присутствию языка коренных народов, это кажется противопоставлением русскому языку. Давайте разберемся в этом.

Гений русского языка сполна послужил всем нам, и впредь я не представляю себе жизнь вне этого нашего общего духовного богатства. Русский язык в этом смысле незыблем и универсален. Ему ничто не грозит в пределах всей страны. Но он, в силу своей исторической распространенности, не должен вытеснять другие, рядом существующие языки коренных народов. В этой связи необходимо осознать, что каждый народ до тех пор народ, пока он владеет собственным языком, и в этом — его культурная суверенность. И как только по тем или иным причинам он лишается возможности применять и культивировать свой язык, он перестает быть тем, кем он был и должен быть.

Отсюда вытекает задача гармонизации языков, главным образом на основе концепции двуязычия с преимуществом в режиме наибольшего благоприятствования для языков коренных народов, на-

деленных государственным правом. Пока что не все мы готовы к восприятию этой истины. Надо идти на компромисс, на диалог, на взаимосближение, и все должно решаться здесь на взаимовыгодной и взаимоуважающей основе.

К сожалению, средства массовой информации не всегда способствуют этому процессу, особенно центральная пресса. Стало чуть ли не модой обвинять в национализме и местничестве любого гражданина, ратующего за свои естественные национальные нужды, и в то же время поощрять нигилизм, отрицание своего народа как народа, обвинять нормальных, патриотически настроенных людей в национализме. Эти выступления в печати (хотя бы того или нет их авторы) искусственно разжигают на местах, там, где люди спокойно жили и спокойно могли бы воспринимать общие заботы и проблемы друг друга, нежелательные, негативные чувства. Когда дело касается национальных вопросов, печать и телевидение должны семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. "Комсомольская правда", например, самым серьезным образом писала, что события в Алма-Ате были вызваны чуть ли не тем, что еще много молодежи обучается в отдельных школах на своем родном языке. Как это понять и как это назвать?

Суверенные права социалистической республики не должны обходить и Казахстан. Не следует делать из этой республики исключение из правил, ибо казахский народ — один из древнейших этносов этого края — не повинен в том, что стране нужен был хлеб и необходимо было осуществить многомиллионное переселение из европейской части на целинные земли, что отрицательно сказалось на процентном соотношении прибывшего и коренного населения. А теперь при каждом удобном случае

коренной народ ставят в угол и напоминают ему его место.

Закон, Конституция должны охранять культурную самобытность каждого народа, учитывая, что коренные народы, например Средней Азии, в том числе и казахский, не имеют собственных этнических аналогов за пределами своих регионов, чтобы полагать теоретически, что если не здесь, то где-то в другом месте, за рубежом, сохранятся язык и культура данной нации.

Каждый народ уникален сам по себе. Наша печать и телевидение допускают, на мой взгляд, бестактность и по отношению к узбекскому народу, когда постоянно смакуют в услужение обывателям понятие так называемого "узбекского дела". При чем тут узбеки? За что такое оскорбление? За то, что этот уникально трудолюбивый народ положил свою жизнь на такое неблагодарное дело, как выращивание хлопка? За то, что десятилетиями хлопок служит, помимо всего прочего, одной из главных статей в получении чистой валюты в казну государства? Если есть организованная преступность в тех или иных местах, то пусть занимается этим правосудие, не задевая национальной чести народа. То же самое мне хочется сказать и в защиту крымских татар.

До каких пор мы будем избегать решения этой трагически вопиющей национальной судьбы? И при таком положении вещей наши средства массовой информации продолжают изображать дело таким образом (в частности ТАСС), что этот народ якобы чуть ли не заслуживает именно такой бесчеловечной, геноцидной акции, имевшей место. Это — абсурд. По какому праву формируется такое мнение, выносятся суд над целым народом? Кто облечен таким правом? Даже господь бог не имеет

такого права. Разве в годы войны только среди крымских татар обнаружили предатели и перебежчики, а другие народы остались непорочными? Такого не бывает. Война есть война. Это — борьба, это — героизм и страдания, это — хаос и жестокости. Это — плен и предательство. Это — победы и поражения. И все это может коснуться любого народа, и к этому следует нам относиться диалектически, не унижая достоинства целой нации.

Не могу не сказать и о несправедливости по отношению к немецкому населению нашей страны, которая имеет место по сей день. Изгнанные, разбросанные, униженные в годы войны, они до сих пор терпят политическую дискриминацию. Культурная и административная автономия советских немцев могла бы послужить не только им самим, но и всем нам. Не сомневаюсь, что немецкая автономия будет образцовой для всех нас.

Давайте же сделаем выводы из нашего страшного прошлого, чтобы такое не повторилось в будущем. Необходимо выработать конституционные гарантии категорической неприкосновенности народов как этнического целого, категорической недопустимости депортации народов по каким бы то ни было политическим, государственным, расовым причинам и мотивам, во имя равной для всех справедливости. Место каждого народа должно быть там, где он исторически произрос.

ПЕТЕРС Я. Я.

(Валмиерский национально-территориальный избирательный округ, Латвийская ССР)

Уважаемый председатель, единомышленники, инакомыслящие, товарищи депутаты!

В самом центре Москвы, приветствуя участников Съезда народных депутатов и москвичей, висит транспарант, который гласит: "Перестройка — возрождение ленинского облика социализма". Я прочел эту крылатую фразу и вздрогнул. А вдруг это очередной поэтизм — дежурные слова, которые мы уже завтра воспримем с такой же горькой иронией, как и обещание, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме?

Я смотрю на единственную историческую территорию моих предков, на свою Родину — Латвию, и с горечью думаю: как ее сделать государством, даже не ленинским, а просто нормальным, не униженным всесоюзными монополиями, не отравленным безответственной хозяйственной деятельностью безответственных и никому не подчиненных властей? Как добиться, чтобы Совет Министров СССР отчислил, скажем, в пользу города Вентпилс хоть один процент валюты от той огромной доли доходов, которую он приносит всесоюзному бюджету, расплачиваясь за это страшными заболеваниями и смертями своих жителей, включая аномалии беременных женщин и их потомства?!

Я смотрю на Латвию и думаю не столько о "возрождении облика", сколько о том, как остановить гибель своего народа, ибо результаты прагматических, экономически необоснованных действий уже видны. Количество коренной нации на ее собственной территории из-за стихийной миграции приближается к критическому рубежу меньшинства. Каждый народ принадлежит не только себе. Каждый народ принадлежит миру, и народы имеют общее кровообращение.

Когда это кровообращение нарушается, наступает заболевание всего организма. Что это так, свидетельствует телеграмма, полученная на днях, огласить которую я считаю своим долгом депутата:

— Москва, Съезду народных депутатов, народным депутатам СССР Янису Петерсу и Валентину Распутину. Просим поставить вопрос о целесообразности строительства Катунской ГЭС, которая угрожает выживанию алтайского этноса. Кыдыев В., журналист; Елемова Гюзель, поэтесса; Кергилов С., учитель; Толбина М., научный сотрудник; Толкачев А., тренер; Тадинов А., художник; Толкачев В., врач; Тюхтенева А., врач.

Страшно читать такой текст, но еще страшнее сознавать, что агрессивное планирование продолжает свой крестовый поход против существования народов.

Говоря о трагедии в Латвии, корни, конечно, следует искать в трагедии русских, белорусов, украинцев, в трагедии других народов Советского Союза. Не от сладкой жизни люди покидают российские или белорусские социально угнетенные территории, свои священные земли и спасаются в Прибалтике, где, будучи лично не виноватыми, против своей воли вовлекаются в создание демогра-

фического дисбаланса, этнопсихологически нездорового климата, уничтожение национальной идентичности и государственности союзных республик. Все это дестабилизирует политическую ситуацию, снижает авторитет коммунистических партий Латвии, Литвы, Эстонии.

Надо признать, что правительством СССР и правительством Латвийской ССР десятилетиями нарушалась статья 76 Конституции СССР, в которой сказано очень просто: "Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик". Я уже слышу голоса: "Но в России дела еще хуже — умирает Байкал, уменьшается рождаемость, растут заболевания, гибнет нравственность..." Да, я это не отрицаю и считаю, что все-союзная административная команда, Госплан СССР в том числе, нарушает и суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и интересы всех народов России, включая интересы русского народа и вышеупомянутых алтайцев. Но то, что в России еще хуже, не может служить утешением для латышей, литовцев и эстонцев или основанием ждать столь же плохих времен и в Прибалтике. Зачем нас сравнивать с менее развитыми регионами? Сравните нас с Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией. И если мы не хотим, чтобы развивались антирусские, антилатышские, антилитовские, антиэстонские, антиеврейские, антиармянские, антигрузинские, даже антиисламские или еще антикакие-то настроения, давайте, действительно, проведем радикальную перестройку и по вопросам межнациональных отношений, и статуса союзной республики как суверенного государства.

Каждому школьнику, который проходил грамматику, ясно, что суверенитет — это практически синоним понятия "независимость". Так почему же мы так боимся этого слова? Почему Россия боится стать независимой от всесоюзного диктата? Почему официальная Латвия этого боится? (А неофициальная уже ничего и никого не боится.) Почему мы друг друга стали официально бояться? Почему мы боимся того, что сами записали в Конституцию, цитирую статью 80: "Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций"?

Непривычно? Признаемся, что пока — да. Но я думаю, что недалеко то время, когда в действие будет приведена и 81 статья Конституции СССР, которая гласит: "Суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР". Я убежден, что Союз ССР не должен стесняться приступить к защите суверенности, то есть независимости, союзных республик. Ведь что такое Союз ССР? Это — мы с вами, каждая из 15 конституционно, но, к сожалению, пока только декларативно независимых государств. Только подлинная независимость этих государств с некоторыми ограничениями независимости, как это наблюдается во всех федеративных союзах, могут нас в этот исторический момент вывести из политического, экономического, экологического, национального кризиса, из тупика нравственного упадка. Национальный потенциал каждого народа может дать решающий толчок общему экономическому возрождению, ибо национальное самосознание, национальная государственность — это прежде всего священные чувства сыновей и дочерей к сво-

ей матери, к матери-Родине, к народу, который является твоей семьей. Но семья имеет право определить порядок в своем доме, а также место в нем для своих дорогих родственников, причем родственников вовсе не по национальному признаку. В семье прибалтов этот признак никогда не доминировал. В наших жилах течет и русская, и белорусская, и немецкая, и еврейская, и польская, и шведская, и финская кровь. Единственное, чего мы хотим,— это не стать квартирантами в своем собственном доме.

Если центр сильный, он должен сильно нас защищать от произвола, в противном случае он лишь сильно показывает свою слабость. Новый Верховный Совет СССР должен на правовых принципах обосновать размещение армии в союзных республиках. Если пока еще не созрела возможность до минимума сократить численность армейских подразделений и военно-морских баз в Латвии, Литве, Эстонии или в целях разоружения вообще распрощаться с ними, то ситуацию может улучшить только гласный договор между Министерством обороны СССР, с одной стороны, и Советом Министров союзной республики — с другой стороны. Этот договор должен гласно предусматривать, какого рода войска, в каких местах, в каком количестве и на какое время дислоцируются в республике. Заключенный договор должен быть представлен для ратификации в Верховный Совет республики. Соответственно следует внести новые статьи в Конституцию СССР и конституции союзных республик об отношениях армии и верховной власти каждой союзной республики. Дополнительно следует разработать официальный устав по хозяйственному, экологическому и культурному поведению армейских подразделений, учреждений, ведомств, солдат и офицеров. Считаю, что военные

должны сдавать минимум знаний по истории и традициям, укладу жизни народа, среди которого по договору они будут определенное время находиться. Договор должен гарантировать запрет демонстрировать силу для психологического устрашения граждан. В противном случае среди военнослужащих развивается психология гражданина военного округа, а не страны.

Товарищи депутаты! В итоге Февральской и Октябрьской революций 1917 года Латвия, Литва и Эстония приобрели национальную государственность. В 1940 году Сталин и его эмиссары, Вышинский, Деканозов и Жданов, палачи народов, в том числе и русского народа, нам обещали социалистическое счастье. Оказалось, что это был примитивный и грубый сталинско-гитлеровский сговор о распределении сфер влияния. Мы все прекрасно понимаем, что вернуться в 1939 год и начать жизнь снова невозможно, но то, что социализм должен стать синонимом самоопределения наций и независимости государств, это мы тоже понимаем. Характерно, что в день открытия Съезда народных депутатов 25 мая газета "Правда" опубликовала тезисы, подготовленные комиссией ученых СССР и Польской Народной Республики, в которых говорится: "В процессе принятия и реализации решений, в том числе по договору от 28 сентября, Советским правительством были допущены серьезные нарушения международно-правовых норм. Прежде всего отметим, что договор от 28 сентября, закреплявший крайний восточный рубеж продвижения вермахта обязательством, принятым Германией на государственном уровне, назывался не только договором о "границе", но и о "дружбе", что давало основание говорить о "дружеских" отношениях СССР с фашистской Германией, фактически

обеляло фашизм, деформировало классовые установки в общественном и индивидуальном сознании, имело тяжелые последствия как для Польши, так и для СССР; договор попирает ленинские принципы и наносил удар международному рабочему движению".

Товарищи! Без обещания, что высшие законодатели СССР поручат правительству СССР принять все необходимые меры по денонсированию незаконного международного правового документа 1939 года, наши делегации возвращаться в Ригу, Вильнюс и Таллинн просто не имеют права, ибо речь идет о манкуртизме, о явлении, которое так точно определил Чингиз Айтматов. Напоминаю, манкурт — это человек, лишенный памяти и поэтому готовый выстрелить в свою родную мать и убить ее, ибо он ее не узнает.

Весь мир сегодня смотрит, не выстрелит ли латыш в свою мать Латвию, не выстрелит ли литовец в свою мать Литву и эстонец — в свою мать Эстонию, отказываясь в условиях давления от своей подлинной истории. Весь мир будет смотреть и на созданную нами комиссию, которая призвана восстановить историческую память народов, но не во имя славных завоеваний России, а во имя сохранения жизни и прав национального самоопределения трех миролюбивых народов у берегов Балтийского моря.

Я обращаюсь к товарищам Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе с просьбой именно сейчас, во время возрождения облика нам всем так нужного нового общества, лично включиться в разрешение этого узла истории.

И в заключение, хотя здесь и не Съезд коммунистов,— о партии. Да, партия победила на выборах, но партия и потерпела поражение. Характер-

но, что народными депутатами в абсолютном большинстве стали те коммунисты, которые свою судьбу связали именно с народным и гражданским движениями за демократию, а также с идеей национального возрождения.

Почему был избран почти без альтернативной кандидатуры Президентом Союза Советских Социалистических Республик Михаил Сергеевич Горбачев? Очевидно, секрет очень прост — лидер коммунистов Советского Союза решительно встал на сторону народа, занял позицию демократических преобразований и старается превратить партию в борца за интересы народов, сделать деятельность партии составной частью народного движения. Очевидно, это единственный путь для коммунистов, если они хотят претендовать на роль прогрессивной политической силы.

Об этом свидетельствует и феномен непослушного коммуниста, Бориса Николаевича Ельцина, которому мы все-таки нашли место в Верховном Совете.

Но разве беспартийные кандидаты на этих выборах проиграли? Если сегодня среди самых уважаемых и подлинных народных депутатов мы видим совесть русской интеллигенции — Андрея Дмитриевича Сахарова, — разве имеем мы право говорить о проигрыше беспартийных? Так кто же в конце концов победил? Я беру смелость на себя взять ответственность утверждать, что первый раз после унижительных десятилетий все-таки победил народ, демократия и желание начать создание ассоциации независимых правовых государств.

И последнее. Я хочу напомнить президиуму, что уже несколько дней в президиуме находится запрос депутатов Латвийской ССР о судьбе крымских татар. Спасибо.

КАРЯКИН Ю. Ф.
(от Академии наук СССР)

Товарищ президент, народные депутаты, избиратели! Куда девались те времена, когда наш Генеральный секретарь и президент становился трижды Героем Советского Союза и получал орден Победы за то, что его подвиги в фильме прекрасно изобразил актер, которому за это исполнение дали звание Героя Социалистического Труда? Куда девались те времена, когда за Брежнева писали книги, а он получал за них Ленинскую премию по литературе и вручал ему эту премию Марков, а потом сам Марков получал звание Героя Социалистического Труда от свежеиспеченного лауреата? Куда девались те времена, когда на книгах о генсеках делали карьеру, когда даже Черненко издавал труд о торжестве прав человека в Советском Союзе, а один из самых известных журналистов приходил от этого труда в неистовый восторг?

Если бы человек, не знавший обо всем этом, попал бы сейчас на наш Съезд, то, я думаю, он был бы ошарашен тем, что, по-видимому, решил бы он, нет никого виноватее во всех наших бедах, чем наш Генеральный секретарь.

Возникла такая тенденция. Наш Съезд уже это продемонстрировал. Это небывалый прорыв в установление нормальных отношений между вла-

стью и народом через депутатов. Впервые все происходит на глазах всего народа — настоящий форум. Резко ускорился процесс размистицирования власти. Однако возникла и опасная тенденция. Раньше люди так привыкли блюдолизничать перед генсеками, что теперь считают обязательным хамить новому. Хотя и сейчас блюдолизов много. Кстати, один из них, увидев месяц назад, как Михаил Сергеевич попрощался со мной за руку, тут же решил предложить мне пост главного редактора очень серьезного журнала.

Когда я говорю о хамстве, честное слово, я никого, особенно здесь, не имею в виду. Я просто вижу, чувствую эту тенденцию и очень, очень ее боюсь. Хорошо бы, заметив ее, покончить с ней с самого начала. Критерий прогрессивности не в огульной критике Горбачева, а в конструктивной помощи делу деловым же образом. Тем более, что мы сами убедились воочию, что действительно нет закрытых зон для критики.

Я очень поддержал бы инициативу Горбачева, если я правильно ее понял, на предпоследнем, на апрельском Пленуме, — публиковать заседания ЦК полностью. Если я правильно понимаю, у партии нет тайны от народа, у ЦК не может быть тайны от партии и народа, равно как и у Политбюро — от ЦК и так далее, кроме, разумеется, каких-то государственных тайн. Мне кажется, это поможет нам найти конструктивные пути соединения, того очень трудного соединения между народной Советской властью и партийной, потому что проблема разделения стоит и никуда от нее не денешься. Не будем питать иллюзий, что мы власть, а вы кто же, товарищи из Политбюро? Наверное, тут должно быть какое-то очень конструктивное, а не нигилистическое решение.

Я очень уважаю Юрия Власова. А требование об импичменте, оно мне, честно говоря, представляется из области мечты. Наш импичмент в старые века определялся так: у нас монархия, ограниченная удавкой, помните? А наш нынешний импичмент — это что-то вроде 14 октября 1964 года. И то в лучшем случае, если все говорить до конца. По-моему, мы не должны забывать об этом. Во всяком случае, на ленинградском пленуме в апреле и даже на том, о котором я говорил, элементы такого 14 октября видны невооруженным глазом. И наш Съезд, как я понял, избрал президентом Горбачева, чтобы и защитить, и ускорить перестройку.

Михаил Сергеевич! У меня к вам просьба как к президенту. Я хотел бы, чтобы наш Съезд поддержал ее. Просьба такая: вернуть российское наше гражданство человеку, который первым осмелился сказать правду о сталинщине, который первый призвал и себя, и нас не лгать,— великому писателю земли русской, великому гуманисту Солженицыну.

Вы нашли общий язык с "железной леди", вы нашли общий язык с Бушем и Рейганом, вы нашли общий язык с папой римским — они же не перестали быть антикоммунистами,— и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным, с великим гуманистом, не найдем на этой почве общий язык?

Давайте подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мне кажется, мы не простим себе (мысль не моя, впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и потомки нам не простят, если мы не сделаем этого.

Меня давно мучает еще один вопрос. Меня отговаривали говорить о нем. Простите, но я, конеч-

но, решусь. Еще в детстве я узнал один тихий, почти абсолютно забытый нами факт. Сам Ленин хотел быть похороненным возле могилы своей матери на Волковом кладбище в Петербурге. Естественно, Надежда Константиновна и Мария Ильинична, сестра его, хотели того же. Ни его, ни их не послушали. Произошло то, что произошло. И это было еще одним, не сразу заметным, не сразу осознанным моментом нашего расчеловечивания, конечно. Была попорана не только последняя политическая воля Ленина, но была попорана его последняя личная человеческая воля. Конечно, во имя Ленина же.

Вы только представьте себе, что бы он сам сказал, как бы поступил с теми, кто это сделал? Он лежал там, внизу, а наверху расхаживал палач в мягких сапогах, а потом и сам улегся рядом. Буфет еще там был, потом убрали. Вот бесовщина. Мавзолей с телом Ленина — это не ленинский мавзолей, это еще по-прежнему сталинский мавзолей.

Идеологических, политических доводов можно против этого набрать тысячу. Человеческих доводов нет ни одного. Меня предупреждали: народ не поймет. Народ-то и поймет! Уверяю вас. Сам поймет. Один этот тихий, забытый нами факт, что Ленин хотел лежать по-людски,— неужели мы это не поймем?

Танки ходят по Красной площади, тело содрогаются. Ученые, художники лепят это лицо — это же кошмар. Чтобы создавать видимость, а там ничего нет, страшно говорить об этом. Но пускай покоится это тело там по его, ленинской, воле. И если бы я был верующим, и если бы душа была бессмертной, она бы вам сказала спасибо.

Другая мысль еще более еретична. Если мы не потеряли память, если бы не убили совесть, а со-

весть — это со-весть,— то мы должны на Лубянке, на здании том выписать, именно там выписать имена сорока (точной цифры мы не знаем) миллионов погибших из-за... в связи... по приказу Лубянки. Если бы кровь та потекла и на Лубянке вытекла, снесло бы ее, Лубянку. И наша честь национальная, социальная, человеческая потребует этого, и я убежден, что так и будет.

Сколько у меня осталось? Три минуты?

Я получил письмо. Предлагают принять резолюцию Съезда с осуждением академика Сахарова. В письме такое содержание: "Господин Сахаров, все Ваши заслуги перечеркнуты одним Вашим кощунственным заявлением. Да, Вы один из создателей водородной бомбы, без которой не было бы мощи нашей великой державы. Да, Вы по праву носили награды Родины, которая сделала Вас трижды Героем Соцтруда. Да, Вы являетесь одним из инициаторов запрещения ядерных испытаний в трех средах. Да, Вы были против вступления наших войск в Афганистан. Да, Вы были защитником демократии и гласности, но все это теперь перечеркнуто. И скажите спасибо, что мы не ссылаем Вас ни в Горький, не высылаем за границу".

И второе письмо мне дали, когда я шел сюда: "Ежедневно афганская война убивала и калечила десятки наших и сотни афганских людей. Сокращение ее, хотя бы даже на день, спасло их от этой участи. От имени всех оставшихся в живых людей, их матерей, жен, невест, от имени их будущих детей — русских и афганских — великое Вам спасибо, Михаил Сергеевич, и Вам, Андрей Дмитриевич!

Брежневская клика начала войну в Афганистане, теперь, чтобы скрыть свою преступную роль, она переключает внимание народа от себя". Все.

МИННУЛЛИН Т.А.

(Кукморский национально-территориальный избирательный округ, Татарская АССР)

Уважаемый товарищ президент, уважаемые товарищи депутаты! Делегация народных депутатов СССР от Татарии вместе со всеми скорбит о случившейся трагедии на земле братской Башкирии и выражает глубокое соболезнование пострадавшим и семьям погибших. По этому поводу мы раздали депутатам наше обращение. Просим поддержать нас.

Товарищи! С помощью некоторых депутатов избиратели разделили нас на активных и пассивных. Это, видимо, потому, что так называемые пассивные постоянно не стоят в очереди у микрофонов. Если вся наша активность заключается в этом, мы бы тоже стояли, тем более всем нам не привыкать стоять в очередях. Думаю, у народных депутатов есть и будут другие формы проявления активности. А активность нужна. Проблем, которые нам предстоит решать, очень и очень много.

На второй день после голосования, когда узнал об избрании народным депутатом, я, естественно, радовался оказанному избирателями доверию. А потом постепенно охватывало чувство тревоги. Передо мной возник вопрос: а что дальше? С этим вопросом приехал и на Съезд. В предвыборных встречах наобещали мы изрядно, завалили нас и

наказами. Как их выполнять? В многочисленных письмах избирателей вопросы за вопросами. Что им ответить? А ведь все они ждут ответа.

Избиратели многих наших депутатов — сельские жители. Конечно, сельский житель более терпелив, чем городской. Он спокойно терпел немало лишений и терпит. Лишь бы войны не было, а остальное как-нибудь решим — так говорят аксакалы. Да, благодаря разумной внешней политике нашего государства угроза войны сегодня не стоит над душой, не сковывает нашу волю. И мы можем со всей серьезностью рассматривать наши внутренние дела.

Проблем здесь, как я сказал, предостаточно. От претворения в жизнь лозунга "Вся власть Советам" до пенсии ветерана войны Гайфутдина Бадрутдинова из Сабинского района. "На фронте, когда шли в бой, у нас не спрашивали место нашей работы,— пишет он,— а теперь почему-то колхознику не положена равная с другими пенсия". Его письмо я привез с собой. Ветеран ждет ответа. Вместе с ним ждут миллионы пенсионеров, у которых пенсия меньше 50 рублей.

При встречах с избирателями я говорил о правовом государстве. Меня внимательно слушали, соглашались и хором требовали газ. Если я лично помогу газифицировать хотя бы по три деревни из восьми районов, обещали избрать даже на второй срок.

Мы с избирателями пришли к единому мнению и по общим вопросам экологии, но они менее склонны рассуждать на эту тему абстрактно. Их тревожит предсмертное состояние великой реки Волги, строительство атомной электростанции на Каме. Она строится в центре густонаселенного промышленного района республики. Несмотря на

многочисленные протесты ученых о крайне неудачном выборе места с геологической, географической точки зрения, строительство ведется.

Правда, по обращению руководства республики, общественности Советом Министров СССР создана экспертная комиссия, но она не торопится приступить к делу, а на больницы, школы не хватает мощностей строительных организаций. Избиратели терпеливо ждут конкретного решения и этого вопроса. Хотят они и скорейшего перехода республики на хозрасчет, хотят жить на заработанные деньги.

То, что говорю, товарищи, не ново, не оригинально, знаю, что повторяю других. Но избиратели, которые смотрят по телевизору ход нашего Съезда, хотят услышать ответы на свои вопросы от своего депутата. Что я могу им ответить? Смогу ли ответить через год, через два... через пять?

В предвыборной программе депутатов от Татарии был и национальный вопрос. Я хочу подробнее остановиться на этой проблеме, ибо она сегодня особо актуальная и требует безотлагательного решения. Как все мы убедились, детсадовское, умирительное толкование дружбы народов в наше время сталкивается с реальными условиями, в которых находятся народы нашей страны. На монолите той бескорыстной дружбы, приобретенной Октябрьской революцией, которая являлась главным нашим оружием в годы Великой Отечественной войны, сегодня в результате догматического отношения к проблеме, из-за нарушения ленинской национальной политики появилась трещина. Это явление требует глубокого научного изучения. Одна из главных причин, мне кажется,— несоблюдение равенства.

Все мы знаем о той истине, что дружить могут только равные. Поэтому эта истина занесена в нашу Конституцию и подкреплена статьей 36. Но в том же Основном Законе в статьях 109, 111, 118 эта истина берется под сомнение.

Почему, например, союзные республики от национально - территориальных округов избирают 32 депутата, автономные только 11? Почему одни республики в Совете Национальностей представлены одиннадцатью депутатами, другие — четырьмя? Где здесь логика?

Чем, по существу, отличаются союзные от автономных? Даже на нашем Съезде союзные республики выделяются в особый ранг. Нам же отведена роль слушателей. Почему столько лет продолжается такое противопоставление?

Это ведь не только вопрос престижа. Такое неравноправие, как скрытая опасная болезнь, распространено в нашей жизни. Главным образом оно заметно в области национальной культуры. Территориально-административное отношение к культуре привело к привилегированному положению одних, унижительному отношению к другим народам. Почему, скажем, семимиллионный татарский народ лишен своего киноискусства? Что, республика экономически слабо развита? Не сказал бы. Ныне республика валового общественного продукта производит на 23 млрд. рублей. Что, нет национальных кадров? Сколько угодно. Почему, скажем, татарские или башкирские, чувашские, марийские и другие автономные радио, телевидение имеют для своих передач куда меньшее количество времени, чем в союзных республиках?

Вот я здесь выступаю, мое выступление могут смотреть мои избиратели, а если бы я выступил по республиканскому телевидению, они своего депута-

та не смогли бы видеть. В 120 километрах от столицы своей республики люди лишены возможности смотреть передачи своего телевидения. Это объясняют производственными, техническими и экономическими причинами, а я вынужден видеть здесь другие причины и смотрю на это явление с политической точки зрения. Именно так ставят вопрос десятки тысяч сельских жителей республики. Если взять вопрос издания книг, газет, журналов, не стану перечислять, не хочется вызывать жалость...

Что мы предлагаем, чтобы выйти из этого унижительного состояния? Нужно законодательно ликвидировать административно - территориальные преграды, которые стоят на пути полного равноправия всех народов Советского Союза. Считаю необходимым приравнять статус всех национальных республик, не разделяя на союзные и автономные.

Возможно, есть другие варианты, надо их продумать и обсудить. Только нельзя оставлять вопрос открытым, вернее, закрытым. Дружба и единство дороже всего на свете. Это не стиральный порошок и не мыло. Чтобы держать наши души в чистоте, нужны более эффективные "моющие средства". Из экономического кризиса мы выйдем. Но если начнется кризис в наших отношениях, то вряд ли выйдем живыми и здоровыми.

Пагубность административно-территориального отношения к культуре особо проявляется для нашего народа. Дело в том, что в пределах своей республики проживает всего лишь одна четверть татарского населения. Остальные практически оторваны от центра, где сосредоточены основные силы национальной культуры и где формируется общественная мысль нации. Естественное желание сохранить свою самобытность живущих вне республики татар раньше расценивалось чуть ли не

как оголтелый национализм. А наше стремление приобщить их к своей культуре рассматривалось чуть ли не как вмешательство во внутренние дела иностранного государства. Даже Министерство бытового обслуживания республики, мне кажется, имело сферу своей деятельности шире, чем республиканские министерства культуры и народного образования. Сегодня дело вроде бы поправляется. Но что значат слова без материальной основы и юридического подкрепления?

В эти дни мне не дают покоя москвичи-татары. Их в столице проживает более 160 тысяч. Они вот уже несколько лет просят, чтобы в Москве у них был свой культурный центр. Городские власти их слушают, но не слышат. Москвичи-татары требуют от меня, чтобы об этом я сказал на Съезде. Вот я и говорю. Надеюсь, товарищи из Моссовета слышат меня и подумают о решении этого очень важного вопроса.

Есть еще проблема, которая не имеет административно-территориальных границ. Она тревожит все национальности. Хотя об этом уже говорилось в докладе и выступлениях, я не могу пройти мимо гамлетовского вопроса: "Быть или не быть?" Я не стану философствовать на тему о необходимости знания родного языка. Разве можно дискутировать на тему: нужна родная мама или не нужна? Нет надобности доказывать и необходимость знания русского языка как языка межнационального общения. Но как это совмещать? Не так-то легко давать рецепты, но что-то надо делать. И надо делать в ближайшие годы, на общегосударственном уровне. У нас в республике мы стараемся предпринять какие-то меры, но они не более чем кислородная подушка. Эту проблему невозможно решить просветительским любительским способом. Нужны об-

щесоюзные законодательные акты, охраняющие национальные языки и способствующие их развитию.

Межнациональные отношения в нашей республике не так обострены, как в некоторых регионах, но это не дает права успокаиваться. Требуется особое внимание и изучения каждый факт, связанный с этой проблемой. Например, перед самым отъездом на Съезд один из избирателей задал мне такой вопрос: почему в столице республики Казани из шести избирательных округов ни в одном не избран депутатом представитель коренной национальности? Вопрос весьма непростой, но мы, депутаты, обязаны найти ответ. А хотелось бы, чтобы не было таких вопросов. Я надеюсь, мы возвратимся к тому самому лучшему, что провозглашено Октябрьской революцией, и единство наше и впредь будет главной нашей силой.

На прошлой неделе в нашей республике прошли Дни башкирской культуры. Для народов двух крупных республик это событие — праздник дружбы и конкретная попытка укрепления святых традиций братства. В этой связи у меня есть упрек к органам центральной печати, радио и телевидения. С их стороны к таким событиям не хватает должного внимания, недостаточно пропагандируются принципы дружбы на позитивных примерах.

Я понимаю друзей-журналистов. Мы долго занимались восхвалением "бумажного интернационализма", но время меняется, и праздники приобретают другое значение. Нужно и это замечать. Много у нас сегодня сердитых и недовольных, и много о них говорим. Это естественно и закономерно в сегодняшних условиях, но не нужно забывать и о том, что сердитость и недовольство должны служить не разрушению, а созиданию.

Как мы любим крайности! На форумах десятилетней давности выступающие состязались превзойти друг друга в восхвалении всего и вся. Сегодня ряд депутатов соревнуются в том, кто скажет злее и больше. К сожалению, некоторые ораторы договорились даже до чуть ли не нашей неполноценности. Думаю, что в любом случае, если претендуем на объективность, мы должны уметь давать уравновешенные оценки нашим делам. Как плохим, так и хорошим.

Нам необходимо восстановить утраченную веру в наше будущее, иначе трудно будет нам жить нормальной жизнью. А жить-то надо, дорогие товарищи! Спасибо за внимание.

КУГУЛЬТИНОВ Д. Н.

*(Ики-Бурульский национально-территориальный
избирательный округ, Калмыцкая АССР)*

Дорогие товарищи! Хотя Фридрих Энгельс обращался к случаю почтительно — "его величество", но все-таки удивителен сам по себе случай. Я — калмык. Сегодня 6 июня 1989 года. Вся страна, весь мир отмечает 190-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Я тот, к которому он когда-то воззвал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Что такое гений? Бог, пророк, провидец? Но как он мог провидеть, что в день 190-летия его рождения я, калмык, на первом Съезде народных депутатов великой державы буду приветствовать его и всех, кто является — я в этом убежден — наследниками его духа!

Когда Пушкин говорил "и друг степей калмык", он названия народов подбирал не потому, что нужна была ему рифма к слову "язык". Для Пушкина не составляло труда найти рифму к любому слову. Но Пушкин назвал эти малые народы, уравнивая их со всеми. И если бы Пушкин сидел в президиу-

ме нашего Съезда, ей-богу, первому бы он дал слово не представителю великого русского народа, потому что великий русский народ не нуждается в такой помощи, как, допустим, нивх, юкагир или калмык, — он вызвал бы к трибуне Рытхэу или еще кого-либо из поэтов малых народов.

Удивителен был Пушкин. В нем сосредоточено все благородство великого русского народа, который создавал свое государство изначально как государство многонациональное, и опыт межнациональных отношений, накопленный Россией, — уникальный опыт, которого нет нигде, ни у какого народа, ни у какой державы в мире, — к сожалению, был перечеркнут наркомом национальностей, "великим" знатоком "национальных вопросов", "отцом народов" Сталиным. Велик опыт России, которая с помощью всех народов выдерживала великие войны, побеждала и Карла: в 1709 году калмыки вместе с казаками чуть в плен не взяли самого Мазепу и Карла XII, а в 1812 году калмыцкая конница и верблюжий полк входили в Париж... Башкиры, черкесы, все народы представляли себя в Отечестве едином, и Россия для них всех была и Отечеством, и матерью. Но как же так случилось сейчас, что мы с этой трибуны говорим о настоящих, а не выдуманных бедах? У меня сердце обливается кровью, болит душа моя, когда мы говорим о Нагорном Карабахе, когда мы говорим об азербайджанцах, когда мы говорим о турках. У меня душа болит, и я не знаю, как, когда, в кои времена все это так случилось.

Дорогие товарищи, ведь это вопрос вопросов. И я знаю, что эти вопросы вылились, как гнойник открывается, вот именно сейчас, в наши дни — дни великого Съезда, действительно исторического Съезда. Вот в эти дни я смотрел и думал: да, Съезд,

первый Съезд народных депутатов войдет в историю. Даже чувствовал присутствие великих деятелей истории. Вот где-то там сидит, на мой взгляд, Петр Первый, смотрит довольный и говорит: "Молодцы потомки, по моему велению выступают — не по писаному, и каждого видно, кто он есть". Направо гляжу: Владимир Ильич Ленин на ступеньках с блокнотом своим слушает с тревогой, слушает с болью нас и говорит: "Да как же это так, что нет мыла? Да как же это так, что нет спичек? Сколько лет прошло?" А ему говорят: "Восемьдесят девятый год нынче". И Ленин думает: "Что же случилось, почему это так, ведь я учил их не этому. Как так случилось?" И мне кажется, в ужас его привела мысль о его ошибке. Я слышал об ошибке Ленина, когда мне было 23 года, — в том юном возрасте, когда слова "Ленин" и "ошибка", "Сталин" и "плохо" приводили человека в мистический ужас. Но потом в камерах тюремных, на пересылках, в лагерях от старых ленинцев-большевиков я слышал снова и снова. Я понимал: да, Ленин допустил ошибку, и его ошибка заключалась вот в чем. Об этом я думал, сидя в этом зале в первые два-три дня, до выборов Председателя Верховного Совета. Его ошибка заключалась в том, как говорили мне старые большевики, что Ленин, отдав себя работе в Совнарком, все остальное поручил Сталину, и Сталин за два-три года так сосредоточил власть в своих руках, что и записка Ленина о любителе острых блюд, о необходимости его переместить, уже не возымела действия на известный Съезд, и сталинщина, воцарившаяся в нашей стране, привела ко всем тем бедам, которые мы и сегодня не можем решить. Вот такая была ошибка. Я боялся сейчас, в наш переломный период, когда мы решаем, каким быть нашему государству, — а вдруг мы соблазнимся красотами де-

мократии, вдруг увлекут нас пышными словами и скажут: "Товарищ Горбачев, занимайся Советами! Товарищ (не знаю кто), занимайся партией!" И вдруг потом что-то опять бы случилось?

Я, прошедший Великую Отечественную войну, я, прошедший тюрьмы и лагеря, я — седой калмык, народ которого уничтожался, вовсе не намерен здесь льстить Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Но действительно — как бы нам ни было горько, как бы нам ни было стыдно, — другого, как он, лидера сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире нет. И вот почему. Когда объявили результаты голосования, когда 96 процентов отдали свой голос за Михаила Сергеевича Горбачева, честное слово, мне хотелось каждого из вас обнять, поцеловать, попросить прощения, что, может быть, я чуть-чуть плохо думал о вас. Оказывается, 96 процентов — мои единомышленники, мои братья, 96 процентов нашего Съезда — движимы одной целью, одной великой задачей: сделать бы нашу страну богатой, сделать бы наш народ счастливым. Наверное, это чувство было у каждого из вас, когда объявили результаты голосования. 96 процентов — это означает: за каждым из нас — сотни, сотни тысяч избирателей. Это означает, что весь наш советский народ за перестройку.

Дорогие товарищи! Я сказал о своем народе, который восстановлен, восстановлена Калмыцкая АССР, но я хочу здесь сказать о других народах, которые еще не вернулись. Я оставил на месте портфель, набитый телеграммами от крымских татар, от немцев республики Поволжья, от турок, которые были сосланы с южных границ Грузии, от многих народов, которые со слезами, плачем обращаются к сердцу каждого из нас, каждого депутата, чтобы мы не были равнодушны, чтобы мы, когда

говорим о равенстве всех народов, когда мы говорим о братстве всех народов, вспоминали и о тех, от кого нет представителей на этом Съезде, о тех народах, чья земля еще не возвращена, о тех народах, которых Сталин обрек на долгие годы горя, на долгие годы в положении народов второго сорта. В Советской стране, социалистической стране, стране коммунистов не должно быть такого положения, когда кто-то в силу разреза своих глаз, в силу цвета своих волос — не тот, другого сорта. Не должно этого быть! И я хочу внести предложение, чтобы мы уже на этом Съезде какое-то дело сделали. Нам надо принять закон о восстановлении Крымской автономии. Нам надо принять закон о восстановлении республики немцев Поволжья. Надо принять закон, который дал бы каждому из них крылья, и на этих крыльях они бы завтра незримо присутствовали на этом Съезде и аплодировали каждому из нас, говоря: "Да, каждый депутат — человек с душой, понимает горе другого, понимает правду другого".

Я хочу внести предложение, чтобы на этом Съезде мы приняли закон, по которому ни один народ в нашей стране никогда не подвергался бы таким акциям, каким подверг их Сталин. Закон надо принять о правах народов. Я не знаю, как юристы сформулируют это, но и совесть наша сформулирует эти законы и сделает из нашей страны страну действительно образцовой дружбы всех народов!

Несколько слов о Калмыкии. Так много хорошего сказал Пушкин. Мы счастливы, помните Пушкина: "Прощай, любезная калмычка". Помните?

Чуть-чуть назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей...

А эта любезная калмычка сегодня со своим ребятенком на Соколиной горе со СПИДом мучается, звонит. Вся наша делегация посетила вчера эту единственную в Москве больницу, где лечат от СПИДа. И мы удивились убогости этой больницы. Ведь это же обшарпанная, второсортная больница, которая должна вести борьбу с чумой человечества – СПИДом. Это ужасно. Я недавно вернулся из Соединенных Штатов Америки, я видел, как там борются со СПИДом, и хочу призвать всех вас обратить внимание на это. Конечно, я понимаю: регламент, но когда я говорю о СПИДе детей, о больных СПИДом матерях и раздаются голоса депутатов "хватит", мне как-то неловко. Спасибо.

РАСПУТИН В.Г.

(от Союза писателей СССР)

Уважаемые товарищи депутаты! Здесь у нас невольно выявилось противопоставление между нами, между теми, кто прошел конкурентные многомандатные бои, и теми, кто пришел от общественных организаций. Не раз за эти дни приходилось слышать, что одни — это избранники народа, а другие — подсажены, чтобы тормозить активность перестройки. Я тоже считаю, что Закон о выборах не совершенен и со временем должен быть изменен в пользу только окружной системы. Разве это нормально, когда один человек голосует дважды или даже трижды, а бывает, и четырежды: у себя в округе, где-нибудь в Фонде культуры, в Союзе писателей, а потом еще и в Академии наук? Такого, естественно, не должно быть. Однако чем дальше заходят наши дискуссии, тем больше убеждаюсь я в том, что на начальном этапе демократических выборов представительство от общественных организаций было необходимо. Во имя плюрализма, о котором мы много говорим как об условии демократического существования, потому что перестройка вступила сейчас в такую стадию общественного развития и поднялась на ту вершину, где обитают ястребы, которые пытаются монопольно стать ее

хозяевами. А всякого, кто не согласен с ними, объявляют врагом перестройки.

Самое употребительное выражение на Съезде — антиперестроечные силы. Мы слышим, что если перестройка — это революция, то должна быть и контрреволюция. С контрреволюцией, как сами понимаете, разговор бывает особый, без всякого плюрализма. Когда ястребы придут к власти, они постараются создать и государственную систему подавления контрреволюции, а пока на пути к власти вводится, и вводится довольно успешно, система общественного подавления.

Дело не в расхождениях, которые неизбежно появляются в процессе развития и которые по мере развития могут быть сближены или устранены. Дело куда как в большем: в судьбе перестройки и демократии. Мне понравилась прозвучавшая здесь мысль Олжаса Сулейменова: если все время загибать слева, непременно пристанешь вправо. Это не просто образ, а закон действия всякого поворотного механизма, в том числе и общественного. У Платона, древнегреческого философа, есть по этому поводу замечательные слова. Цитирую: "Тирания возникает, конечно, не из какого другого строя, как из демократии. Иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство". Так вот, чтобы этого не произошло, чтобы демократия в нашей стране утвердилась раз и навсегда, нет ничего предосудительного в том, если в обществе является необходимость сдерживания "безумства храбрых". Пропетая ему, этому безумству, песнь привела в свое время к трагическим результатам. Теперь из одной пропасти оно способно толкнуть нас в другую. Так что поосторожнее с антиперестроечными силами. К ним, по всей логике вещей, в первую очередь вас и следует отнести.

Плюрализм возможен как разность и многообразие общественных и политических мнений. Вы навязали стране плюрализм нравственности. Вот это поопаснее всяких бомб. Общество или поддерживает нравственность, или не поддерживает ее. Третьего пути не бывает. Раздававшиеся здесь робкие голоса о главенствующем значении в любой цивилизованной стране культуры и духовности, как мне показалось, были пропущены мимо ушей. Нас больше занимает различное законодательное крючкотворчество. Упаси меня боже быть против разумных поправок к Конституции и законам. Я только был бы удивлен, если бы новая Конституция вслед за сталинской и брежневской стала евтушенковской. Повторяю, я не против всяких разумных поправок... Для того мы здесь и собрались. Только во имя души, достоинства, культурного и нравственного облика народа их пока не было. Хлеба и зрелищ — вот что исподтишка записали сейчас на знаменах перестройки.

В зрелищах мы уже преуспели, притом в зрелищах самого сомнительного свойства. Идет почти открытая пропаганда секса, насилия, освобождения от всяких нравственных норм. Сейчас время трагедий, которые следуют почему-то одна за другой. Но заметили ли вы одну закономерность? Только смолкнет голос диктора, объявляющий о человеческих несчастьях и жертвах, как экранный эфир заполняет какофония бесноватой музыки. Но нам все трын-трава, мы свободны от морали и от сопереживания. Куда дальше? Орган Детского фонда имени Ленина еженедельник "Семья" из номера в номер печатает детскую сексуальную энциклопедию в картинках, от которых даже взрослому становится не по себе. Вероятно, в таком воспитании пред-

седатель фонда и редактор журнала видят свою миссию спасения обездоленных детей. "Злу не положено предела", — говорили древние, и истина эта подтверждается, подтверждается все более и более. Не знаю, как грузинской депутации, а мне не по себе стало, и я счел это святотатством, когда красотки в плавках, участницы очередного конкурса красоты, кокетливо застыли в минуте молчания в память о погибших в апрельских событиях. Неужели подобный цирк не оскорбляет ваши национальные чувства?

Со зрелищами, как видите, все в порядке. А если добудем еще хлеб, замешанный не на поте и нравственности, а приобретенный в полном ассортименте распродажи национальных богатств, недалеко будет и до повторения судьбы Римской империи. Здесь, помнится, кто-то строго взыскивал с товарища Лукьянова за рост преступности. Причин много, что и говорить. Но одна из главных, может быть, самая главная — нравственная разнузданность и похотливость, неразборчивость и сквернолюбие средств массовой информации, особенно молодежных изданий и программ. Все это мутным потоком хлынуло в книги, кино и театры и принялось обслуживать индустрию развлечений, паразитирующую на человеческих пороках. Наша молодежь бессмысленно гибла в Афганистане, столь же бессмысленно она калечится в необъявленной войне против нравственности. Призывов стать лучше в таких случаях недостаточно, нам необходим закон, который бы закрепил и взял под охрану нравственность и запрещал пропаганду зла, насилия и пороков. Когда-нибудь мы пожалеем, что пренебрегли столь важной наукой в это переломное время, как социальная психология. Знание этой науки, позволяющей учитывать настроение людей,

способно принести самые неожиданные и удивительные результаты.

У нас в обществе вместе со здоровой создается в последнее время активность, из которой изымается гражданское патриотическое содержание и которая переводится в русло нигилизма и высокомерных притязаний. Неправое, как известно, всегда активнее и организованнее. В ходе предвыборной кампании настроение определенных групп улавливалось некоторыми кандидатами с чуткостью барометра. Стоило кому-нибудь из них выложить партбилет, как популярность его взмывала сразу будто на крыльях. Я не член партии и сознательно не вступал в нее, наблюдая, как много пробивается туда разного рода корыстолюбцев. Состоять в партии было выгодно. Потому она и потеряла свой авторитет. Сейчас состоять в партии стало невыгодно, более того, опасно. И оставлять ее в такой момент отнюдь не мужество, как преподносится неискушенным людям, а тот же самый расчет, который прежде вел в партию. Мужеством это было бы десять или даже пять лет назад, только не рано ли побсжали вы с корабля, не подводит ли чутье тех, кто считает корабль обреченным? Юристы не однажды объясняли нам здесь такие тонкости своего предмета и показывали столь ювелирное знание законов, что сердце радовалось. Есть такие специалисты, недалеко и до правового государства, но как быть, товарищи юристы, с такой закавыкой, отнюдь не тонкого свойства, когда ваш коллега в интересах избрания в депутаты подбрасывает сенсацию, связывая с преступностью имя из самого верхнего эшелона власти? Разве тайна следствия уже не существует, разве презумпция невиновности, или как это у вас называется, отменена уже?

В неправовом государстве, в котором мы долго пребывали, когда генерал и член Политбюро могли чувствовать себя в безопасности, а в том правовом, к которому, судя по всему, вы нас ведете, ни высокопоставленные особы, ни тем более самый простой человек, если он высказал инакомыслие или не угодил кому-то, не свободен будет коль не от физического, так от морального уничтожения. От клеветы и машиношельмования, которые ничем не лучше машины четвертования и которые, похоже, уже пущены в ход. А не все ли равно, от чего погибать приговоренному — от государственного террора или от террора среды в государстве, где, возможно, формально станут соблюдаться писанные законы.

К сожалению, Вы не ответили, Михаил Сергеевич, на заявление депутата Роя Медведева, будто всякий раз, когда Вы отлучались из Москвы, да если Ваше отсутствие совпадало с отсутствием Александра Николаевича Яковлева, то создавалась обстановка, близкая к государственному перевороту. В связи с этим я хочу спросить Вас: так ли это? И была ли очередная опасность государственного переворота в период последнего Вашего визита в Китай, где Вы находились одновременно с Александром Николаевичем? Если таковой злоумышленник в Политбюро существует, то почему Политбюро с ним мирится? А если обвинения депутата Медведева беспочвенны, почему Вы об этом не скажете? Разве не видно, что в борьбе за власть, которая ни для кого здесь не является тайной, намечена к устранению первая фигура, против которой давно ведется организованная кампания. Нет нужды напоминать Вам, кто станет следующим. Все это, уважаемые товарищи депутаты, увы, уже было.

Слишком много в атмосфере нашего Съезда узнаваемо. Появляются у нас свои керенские, Милоков, Гучков, Чхеидзе — я надеюсь, что грузинская делегация грузинскую фамилию не свяжет с собой. Со временем обозначатся и другие. Слышны порой призывы Государственной думы, те же пляски на процедурных вопросах, срывающих обсуждение важных дел, то же стремление навязать свою позицию, та же страсть к сильным выражениям. Помните, обвинили в государственной измене сначала военного министра, а когда это сошло с рук, обвинили в том же императрицу, остальное было делом техники. Не мною сказано, но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: "Вам, господа, нужны великие потрясения — нам нужна великая страна".

О стране. Никогда еще со времен войны ее державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня. Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских — это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Эмиссары из Литвы и Эстонии едут с ними, создавая единый фронт, в Грузию. Оттуда местные агитаторы направляются в Армению и Азербайджан. Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламент-

ским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете ее и если ее слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы природные и человеческие у нас еще остались, руки не отсохли. Без боязни оказаться в националистах мы могли бы тогда произносить слово "русский", говорить о национальном самосознании. Отменилось бы, глядишь, массовое растление душ молодежи. Создали бы наконец свою Академию наук, которая радела бы российским интересам, занялись нравственностью. Помогли народу собраться в единое духовное тело.

Поверьте, надосело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится все больше неподъемен. Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друцэ и другим делегатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволено, нам — не прощается.

Нет возможности сейчас подробно объяснять, да вы это и сами должны знать, что не Россия виновата в ваших бедах, а тот общий гнет административно-промышленной машины, который оказался для всех для нас пострашней монгольского ига и который и Россию тоже унижил и разграбил так, что она едва дышит. Нет нужды в подробных

разъяснениях, но мы просили бы вас: жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил. А лучше всего вместе было бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности.

Верно и то, что в межнациональных сложностях сейчас виновата во многом вот эта промышленная машина, уничтожающая природу. Я согласен с теми, кто предлагал здесь не запугивать без особой нужды депутатов, а значит, и всю страну, которая не отрывается от телевизоров, тяжестями нашего положения. Запугивать не нужно. Но есть одна самая главная, изначальная сторона нашего существования, где, что бы вы ни сказали, как бы ни пытались преувеличить картину, все будет мало. Речь идет об экологии. Слово это самой природой давно уже начертано не зеленой, а черной краской. Мы пытаемся строить новое, справедливое государство. А для чего его строить, если годы наши при таком отношении к природе сочтены? Госкомприроды не справляется со своими функциями и при его подчиненности не может справиться. Пока не поздно, необходимо вывести его из бесправного положения и передать Верховному Совету.

Все широкомасштабные природопреобразующие проекты нужно обсуждать в комиссии Верховного Совета и выносить на окончательное утверждение Съезда. Иначе — пропадешь, иначе снова и снова будут появляться у нас правительственные постановления, принятые тайно от народа, как, например, постановление о строительстве в Тюменской области пяти нефтегазохимических комплексов, разорительных для страны, чрезвычайно губительных для природы, но, вероятно, выгодных иностранным фирмам. Иначе нельзя будет покон-

чить с практикой принятия проектов без экологической экспертизы.

И под конец я бы хотел обратиться к Николаю Ивановичу Рыжкову. Будучи в Алтайском крае, Вы, Николай Иванович, как нам кажется, введенный в заблуждение толкачами строительства Катунской ГЭС, публично на всю страну согласились, что да, строить надо. Затем на встрече в крайком партии Вы оговорились: при условии положительной экологической экспертизы. Однако эти Ваши слова слышали лишь те, кто не хотел их услышать, а первые — прозвучавшие по телевидению — были приняты руководством к действию. Нас, многих депутатов, потому и забрасывают телеграммами и письмами с тысячами подписей коренного алтайского населения и десятками тысяч — тех, кто болеет за Алтай, потому и забрасывают, что именно в эти дни экспертная комиссия Сибирского отделения Академии наук и Госплан РСФСР принимают решение об одобрении строительства и, таким образом, об уничтожении последнего уникального природного комплекса Сибири. Мы просим Вас: разберитесь внимательно с катунским делом. Нам, нескольким депутатам, участвовавшим в создании байкальского движения по сохранению пресной воды, пришлось на два дня оставить Съезд, чтобы провести очередное заседание этого международного движения. Мы посмотрели там фильм, переведенный японцами, — о болезни, вызванной органической ртутью. Фильм жуткий, волосы становятся дыбом от страшных картин, показывающих мучения и масштабы бедствия. В районе Катунской ГЭС есть месторождения ртути. Они до сих пор вызывали у ученых сомнения, которые, боюсь, исчезли после Вашего, Николай Иванович, невольного вмешательства.

У нас на Ангаре вот уже несколько лет на гидро-станциях спускается вода. Некуда девать электро-энергию. Может быть, вместо того, чтобы губить Катунь, передать эту энергию на Алтай? Да есть ведь и другие способы.

Закончить я хотел бы тем, что если уж мы вво-дим практику всенародных референдумов, то пер-вый референдум хорошо бы провести по вопросу существования атомных станций. Спасибо.

ШМЕЛЕВ Н. П.
(от Академии наук СССР)

Уважаемый товарищ председатель! Уважаемые коллеги!

Я хочу начать с того, что меня как экономиста не очень беспокоят долгосрочные перспективы нашего развития. Я думаю, что мы как нация, как страна не собираемся совершать самоубийства, и, перепробовав в истории все мыслимые и немыслимые способы организации экономической жизни, мы не можем не выйти на ту дорогу, которую в 20-х годах, в последние два года своей жизни, определил и в базовых своих идеях разработал Владимир Ильич Ленин. Собственно, за 70 лет нашей истории мы имели только 7—8 лет по-настоящему эффективной экономики, и не вернуться на эту дорогу мы просто не можем — у нас нет никакой другой альтернативы. Но на это требуется время. На Западе, чтобы обанкротившуюся, умирающую фирму опять превратить в нечто жизнеспособное, нужно в среднем 8—10 лет. Конечно же, гораздо более значительные сроки нужны для такого гигантского экономического организма, как советская экономика.

Но меня очень беспокоят наши краткосрочные перспективы. Меня беспокоят ближайшие два-три года. Я решаюсь высказать здесь опасения, что, если мы не остановим нарастающие, как снежный

ком, инфляцию, распад потребительского рынка, чудовищный, рекордный в мире (по отношению к валовому национальному продукту) бюджетный дефицит, мы в пределах двух-трех лет можем столкнуться с экономическим крахом.

Что нас в этом случае ожидает? Сценарий развития события был написан 200 лет назад, еще во времена Французской революции. Не раз он потом в истории повторялся, и мы его повторяем с той же последовательностью, как это было и раньше. Нас ждет всеобщая карточная система, резкое обесценение рубля, разгул черного рынка и теневой экономики, развал потребительского рынка и вынужденный, я подчеркиваю, вынужденный возврат на какое-то время к жесткой административно-командной дисциплине в нашем народном хозяйстве.

После доклада Николая Ивановича Рыжкова я еще раз убедился: правительство и руководство страны понимают, что перед нами стоит такая опасность. Но у меня есть большие сомнения — понимают ли они степень остроты этой опасности. Совет Министров наметил меры по выравниванию рынка, по сокращению бюджетного дефицита, но эти меры, на мой взгляд, являются недостаточными и слишком растянутыми во времени. Если наш бюджетный дефицит находится где-то на уровне более 100 миллиардов рублей, то меры по экономии на этот год сократят его менее чем на 30 миллиардов и на следующий год чуть больше чем на 30 миллиардов рублей. Остальное — это опять будет продукция печатного станка, это опять будут принудительные займы у наших держателей вкладов в сберкассах и у наших предприятий. Боюсь, что такой гигантской массы новых прибавлений денег к тому, что мы уже имеем, наша экономика не выдержит.

Почему так сложилось? Расхожее объяснение, что во всем виноват быстрый рост заработной платы. Это несправедливо. Как вчера мы видели из доклада, рост зарплаты за прошлый год 14 млрд. рублей, а бюджетный дефицит перевалил за 100 млрд. рублей. Кроме того, товарищи, хотим мы этого или не хотим, вне зависимости от условий, наших конкретных условий, начался большой исторический процесс. Степень эксплуатации рабочей силы в нашей стране из всех индустриальных стран самая высокая. Из валового национального продукта на зарплату у нас приходится примерно 37–38 процентов, в индустриальном мире этот показатель составляет 70 и более процентов. Наш рабочий класс имеет моральное право повысить свою долю в валовом национальном продукте, и всеми возможными мерами он к решению этой задачи приступает. Поэтому с этим надо считаться на будущее, и этот процесс остановить невозможно. Второе расхожее объяснение, которое здесь прозвучало и с трибуны Съезда, в том, что во всем виноваты кооператоры, что они безналичные деньги превращают в наличные. Это совсем уж безграмотное объяснение. У нас в год доходы населения порядка 430 млрд. рублей. Все доходы, выплаченные на зарплату кооператорами, составляют около 2 млрд. рублей, и из них более миллиарда — это просто перераспределение уже имеющихся денег. Таким образом, в том, что работает печатный станок, кооператоры виноваты менее чем на четверть процента.

Что же привело к этому положению? Николай Иванович Рыжков справедливо вчера говорил о тяжелом наследии, которое нам досталось. Это правда. Традиционные факторы бюджетного дефицита мы получили в наследство, они сохраняются до сегодняшнего дня. Нельзя не видеть ситуацию, что

за те три пятилетки, на которые ссылался наш премьер, в среднем бюджетный дефицит был 20 млрд. рублей, сейчас же он более 100 млрд. рублей. Это уже новое качество, это уже новые причины, причины, возникшие в последние три-четыре года, и я хотел бы указать на главные из них. Это, во-первых, уже не раз вспоминавшаяся здесь абсолютно неквалифицированная акция с продажей алкогольных напитков. Это была благородная акция, но, как говорится, простота нередко бывает хуже воровства. И с благородными намерениями мы нанесли колоссальный ущерб равновесию рынка и равновесию бюджетного дефицита. Вторая ошибка — это кратковременная, но очень болезненная кампания 1986 года по борьбе с так называемыми нетрудовыми доходами, которая больно ударила по нашему сельскому хозяйству. Третья ошибка, которую мы тоже могли не совершать, была вынуждена падением цен на нефть, резким падением цен, и нашим вынужденным сокращением импорта. Но мы предпочли сокращать не импорт зерна, не импорт машин и оборудования — мы полоснули по самому необходимому, на чем держался наш государственный бюджет. Мы полоснули по импорту товаров широкого потребления, где на рубль валюты, потраченный на импорт, бюджет имеет от 8 до 10 рублей дохода, а при должной умной комбинации структуры импорта можно этот коэффициент и еще повысить. И, наконец, последняя ошибка, которую я не в состоянии объяснить никакими разумными аргументами. Если в прошлом году наш бюджетный дефицит был где-то на уровне 50—60 млрд. рублей, в этом году он рванул свыше 100 млрд. рублей. Одновременно рванули наши капиталовложения. Откуда эти деньги? Это значит, правительство с самого начала шло на то, чтобы

покрыть все эти расходы печатным станком. Никаких других источников для этого роста капиталовложений не было. Это был сознательный шаг в сторону инфляции.

Конечно, я не завидую положению Николая Ивановича Рыжкова: на него давят наши не очень грамотные министры, перед глазами которых где-то маячат золотые звезды, а они в этих случаях прут, что называется, как на буфет. Но имеем ли мы центральную власть или не имеем? Могли ли Николай Иванович и Борис Иванович Гостев сказать: нет, денег нет, печатать мы больше денег не будем? Мне кажется, что такая возможность была.

Для того, чтобы избежать финансовой катастрофы, финансового краха, нам необходима санация нашей экономики, прежде всего санация нашей финансовой системы. Это означает выравнивание рынка, выравнивание товарного предложения и денежной массы прежде всего и ликвидацию бюджетного дефицита. Зачем нам это необходимо? Прежде всего для того, чтобы поднять жизненный уровень населения — рабочих, крестьян, интеллигенции, пенсионеров. Если бы мы сейчас создали такую товарную обстановку в стране, когда каждый свой рубль человек мог потратить на то, на что хочет, это означало бы рост примерно в полтора раза жизненного уровня для всех категорий населения. Во-вторых, это нам необходимо, чтобы рубль, наконец, в экономике стал работать, чтобы люди хотели заработать рубль. И в-третьих, нам необходимо создать обстановку превышения предложения товаров над спросом для того, чтобы запустить в действие все стимулы новой экономической системы, и прежде всего такой стимул, как конкуренция производителей.

Как добиться санации и оздоровления нашей финансовой системы? Насколько я понимаю, правительство возлагает все свои надежды на резкий рост производства товаров широкого потребления в этом году и в девяностом году. Не вдаваясь в подробности, могу сказать только, что этого предусмотренного роста недостаточно. Его еле-еле хватит на то, чтобы прикрыть прирост денежной массы. А то огромное количество неотоваренных денег, которое накопилось у населения, этот рост тронуть никак не может.

Имеется и другое предложение: провести радикальную реформу потребительских цен. Само по себе оно верное. Но в нынешней ситуации, когда настолько напряжена социальная обстановка, я думаю, что мы какое-то время не можем рискнуть на такой шаг. По крайней мере до тех пор, пока рынок хоть немного не будет насыщен. Не случайно, что по опросам только треть населения согласна на реформу розничных цен и то при условии, если в магазинах появится все.

Есть еще одно отчаянное предложение. Предложение конфисковать лишние деньги у населения. С этой трибуны я хотел бы обратиться к депутату — главному редактору "Правды" Виктору Афанасьеву. Спросить его и редколлегию, о чем они думали, когда опубликовали статью Чекалина, в которой "Правда" в открытую призывает отнять лишние деньги у населения. Воистину никакое ЦРУ, никакой классовый враг нам не принесет столько вреда, сколько мы по собственной, так сказать, неразумности можем нанести сами себе. Подобные призывы в такой горячей обстановке, когда с прилавков исчезает все, когда люди, чуя надвигающуюся инфляцию, хватают все, что можно,— это значит подбросить еще ведро масла в огонь, усилить

тревогу. Мало нам всех этих историй с мылом, с солью, со спичками. Еще "Правда" — центральный орган (между прочим, вопреки заверениям правительства) поджигает настроения людей: тратьте деньги, пока они не превратились в простые бумажки. И сама конфискация денег (я не беру даже моральную сторону), что она может дать в современных условиях? Заткнуть на полгода бюджетную дыру, и опять мы вернемся к тому, что было. Я уже не говорю о том, насколько это подорвет настроения и доверие людей к перестройке.

Таким образом, хотим мы или не хотим, в деле оздоровления нашей финансовой ситуации мы должны прибегнуть к нормальным экономическим мерам. Не к конфискации в той или иной форме, а именно к использованию тех товарно-денежных отношений, которые сейчас имеются.

Я попробую изложить, товарищи, ту программу, которая мне кажется реалистичной. Если чуть-чуть захвачу одну-пару лишних минут, прошу мне их простить. И сразу предупреждаю, что эта программа многим может не понравиться и вряд ли вызовет поддержку правительства.

Какие меры мне представляются сейчас необходимыми? Первое. Вернуться к нормальной торговле спиртным. Задушить не милицией (милиция здесь бессильна), а задушить экономическими мерами самогонщиков, которые, во-первых, отняли государственные доходы, а во-вторых, разваливают всю социальную стабильность нашего общества. Я хочу здесь обратиться к писателю Василию Белову. Если бы я его назвал, так сказать, идеологом мафии, черной экономики, разгула спекуляции, он бы, наверное, страшно обиделся. Но то-то и оно, что на деле так и получается. Сейчас, даже если ссылаться на официальные публикации, половина

спиртного в стране (этот справочник у вас, товарищи депутаты, есть на руках) уже производится самогонщиком. Это только из сахара, еще не считая томатную пасту, "табуретовку", всякие тараканьи жидкости и все прочее. Пить у нас меньше не стали. Это иллюзия. И пьют люди вообще не из-за цены. Люди пьют от тоски, от лжи и от безделья. Здесь надо искать способы решения проблемы, а не разрушать один из источников товарного и бюджетного равновесия в стране.

Второй фактор выравнивания ситуации на рынке. У нас в стране "горячих" денег сейчас, по оценкам специалистов, где-то на уровне 150 млрд. рублей. Это деньги, которые ждут товара на рынке, это не сбережения на будущее: кинь товар на прилавок, они мгновенно выскочат на рынок. Для того, чтобы погасить, отоварить эти 150 млрд. рублей, нам нужно примерно 15 млрд. долларов разового импорта потребительских товаров. И плюс к тому на ближайшие два-три года, пока экономика находится в таком состоянии неравновесия, пока существует опасность краха, нам нужен искусственный, я подчеркиваю, искусственный импорт порядка 5—6 млрд. долларов в год для поддержания товарного равновесия. Где взять эти деньги? Вчера мы выслушали очень серьезное сообщение Николая Ивановича Рыжкова, что таких денег в стране нет. Я смею утверждать, что при возможности эти деньги найти можно.

Первое. Когда-нибудь правительство может всерьез поставить вопрос перед нашими председателями колхозов о том, что если сверх какого-то привычного уровня они будут сдавать зерно и мясо, то им будут платить валютой с правом тратить эту валюту где они хотят? Причем наши люди скромные. Я уверен, что не надо им платить

200 долларов за тонну зерна. С них хватит и 75, они и за это продадут. Вот это первый источник колоссальной экономии валюты. Второй источник: из года в год у нас, если перечислять на доллары, переходящий запас неустановленных машин и оборудования порядка 10 миллиардов долларов. Может быть, остановим на 5, на 10 лет импорт оборудования для всех наших гигантских проектов?

Третий источник. Я здесь вынужден, к сожалению, пользоваться иностранными оценками, мы это не публикуем. Позвоительно спросить: кто-нибудь думал когда-нибудь, сколько нам стоят, скажем, наши интересы в Латинской Америке? По американским профессиональным оценкам, 6—8 миллиардов долларов ежегодно. Из них значительная часть в твердой валюте. И из них значительная часть непонятно за что, когда мы, например, платим 400 процентов за кубинский сахар (по сравнению с мировой ценой), и платим в твердой валюте. Одного этого источника хватило бы, чтобы поддержать в равновесии потребительский рынок на те несколько лет, которые нам необходимы, чтобы как-то обернуться и вступить по-настоящему на дорогу реформ.

И, наконец, займы. Николай Иванович говорит, что он не хочет оставлять никаких долгов своим внукам. Я могу его понять, но в этом все же есть нечто провинциальное. Сейчас весь мир одной рукой занимает, другой — дает. Все живут, так сказать, в долг. И если мы какую-то сумму займем (менее, чем тот долг, который висит сейчас на нас, а висит на нас, если опять-таки пользоваться западными источниками, чистого долга где-то на уровне 30 миллиардов долларов), ничего страшного не произойдет. Чем отдавать? Если уж говорить по-деловому (любой финансист меня поймет), то отда-

вать сейчас никто не отдает. Отдавать не надо. Надо поддерживать только выплаты процентов, а для того, чтобы обслуживать дополнительно занятые деньги, нам любого из трех вышеназванных мною источников хватит. Это, повторю, сокращение импорта сельскохозяйственной продукции, сокращение импорта тяжелого оборудования, уменьшение наших расходов по международным обязательствам.

Далее. Нам необходимо, если мы думаем о выравнивании рынка, решиться на продажу земли или по крайней мере на отдачу ее в вечную аренду любому, кто хочет. Это — огромный источник выкачивания денег. Нам надо решиться не только говорить, но уже и продавать квартиры по-настоящему, продавать грузовики, продавать трактора, продавать все, что есть в запасах. Все, что можно, пусть государство продает, чтобы как-то выровнять рынок. И, наконец, такой фактор, как акционерная собственность, акции и государственный нормальный заем на 30 лет под высокий процент. Это тоже парализовало бы какую-то серьезную часть устойчивых денег у населения.

Но вот что я хотел бы еще подчеркнуть: те средства, которые мы можем получить от возросшего импорта товаров широкого потребления,— эти деньги надо уничтожить, списать. Только в этом случае мы получим на рынке, наконец, превышение предложения над спросом и обстановку, которая позволит перейти на нормальные экономические условия и на нормальную конкуренцию. Можно и нужно также изъять лишние деньги у предприятий и тоже их списать, уничтожить. Каким путем? Путем аукционов. Пожалуйста, продавай автомобиль своему соседу, если он хочет, в 10 раз дороже цены, но половину этой цены потом отдашь в

бюджет, бюджет эти деньги уничтожит. И, конечно, государственные займы: пустые, неотоваренные деньги у предприятий тоже можно вовлечь в стабильную государственную структуру, продавая им облигации долгосрочного государственного займа с высоким процентом.

Здесь уже говорилось о других источниках сокращения наших расходов. Конечно, необходимо сокращать производственные капиталовложения. Мне, например, вчера было радостно слушать, что, слава богу, пенсии мы наконец повысим. Но кто-нибудь хоть понимает, что, если бы мы остановили только один из "проектов века"— тюменский проект, этих денег хватило бы на то, чтобы повысить пенсии, повысить выплаты всем нашим обездоленным слоям населения уже в этом году? А сколько таких "тюменских проектов" мы еще пока реализуем или вот-вот намечаем реализовать? Надо понять, что государство разорено, что на ближайшие десять лет не может быть никаких "строек коммунизма", что мы можем строить только то, что дает быстрый потребительский эффект. Никаких "строек коммунизма"! И я считаю, что банки через повышенный процент должны сегодня тоже сдерживать капиталовложения предприятий.

О расходах на оборону здесь тоже уже говорилось. Есть и еще один фактор — очень деликатный. Я не знаю, как наши аграрники, поддержат меня или нет. Конечно, наше сельское хозяйство нуждается в дополнительных инъекциях государственных средств, нуждается в поддержке. Но мы придумали самую неэффективную, самую нелепую форму государственной помощи сельскому хозяйству, когда хорошо работающему мы за килограмм продукции платим рубль, а тому, у кого все валится из рук, мы платим 2 рубля. Нужно это ликвидировать.

И этот расход — не шуточки, это чуть не треть дефицита государственного бюджета. От этого расхода надо избавляться как можно скорее. Я не хочу сказать, что на три года, пока мы не saniруем, не оздоровим наше финансовое положение, надо притормозить экономическую реформу. Нет, и санирование, и реформа должны идти параллельно. Но сейчас самое острое — не перспектива, самое острое — ближайший день. В связи с этим я вношу несколько предложений.

Прежде всего, мне кажется, что бюджет — это настолько важное, острое дело, что уже в октябре или в ноябре, когда мы соберемся, принятие бюджета должно стать компетенцией Съезда народных депутатов.

Второй момент. Николай Иванович Рыжков обещает ликвидацию бюджетного дефицита где-то в середине 90-х годов. Я думаю, можно и нужно приблизить этот срок. В этом году, конечно, это нереально. Но если принять драконовские, радикальные меры на следующий год, то можно свести дефицит хотя бы к тому уровню, который привычно был у нас 15 лет — хотя бы к 10—20 миллиардам рублей в отличие от того колоссального уровня, на котором он находится сейчас. Поэтому вношу предложение: предусмотреть в рекомендациях Съезда ликвидировать или принципиально сократить бюджетный дефицит не в конце следующей пятилетки, а в 1991 году.

Далее, для того чтобы мы могли понять, где мы, что с нами происходит, в каком положении государство, я считаю, что абсолютно необходимо опубликовать реальные масштабы государственного долга. Мы занимали многие годы и у населения, и у предприятий в скрытом порядке. Государственный долг огромен, но мы в нем не признаемся. Мы

должны знать эту картину, сколько государство набрало, сколько оно должно населению сейчас, включая изъятия из сберкасс и изъятия из накоплений предприятий. Точно так же обязательно должны быть опубликованы наш внешний долг и наш платежный баланс. А то мы с вами все гадаем, движемся ощупью и реального положения до конца не знаем.

И, наконец, последняя мысль, и я на этом заканчиваю, последнее предложение. Не может Центральный банк страны находиться в том положении, в котором он находится сейчас — на роли отдела Министерства финансов или отдела Совета Министров. Центральный банк в этой сложившейся ситуации должен всю проблему выпуска денег и инфляции взять в свои руки. Во всех нормальных государствах Центральный банк так же независим, как Верховный судья или Конституционный надзор. Президент Центрального банка не должен подчиняться никому, включая и Николая Ивановича Рыжкова, он должен подчиняться только Съезду. Спасибо за внимание.

ЗАЛЫГИН С. П.
(от Союза писателей СССР)

Товарищи депутаты! Так случилось, что на днях я заглянул в одну старую энциклопедию и прочитал там следующий текст: "В 1682 — 1690 годах Кремль был свидетелем бурных диспутов о "вере". Сюда собирались стрельцы и посадские люди с требованиями о расширении своих прав и о смене правящих лиц. Понимаете, в чем дело: время от времени, лет, может быть, через пятьдесят, через сто, в России заведено вот так собираться. И это было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство: каждый раз начинать все сначала. Как будто нет исторического опыта у этой огромной страны с самыми различными национальными оттенками и укладами. Да, всякий раз мы все начинаем сначала.

Я вот сейчас слушал выступления наших экономистов. Это прекрасно. Это, может быть, самое серьезное, что мы здесь слышали. На меня это произвело огромное впечатление. Но я хочу сказать: я — человек пожилой, в 1929—1930 годах учился в техникуме и изучал экономику сельского хозяйства по учебнику Чаянова — и вы знаете, до сих пор ничего более, может быть, интересного в этом смысле я не читал.

Сейчас у нас создается аграрный комитет. Дорогие товарищи, крестьяне, вы знаете, что мы сейчас

решаем проблемы экологические и экономические. Очень может быть, что для нас сейчас наступят очень серьезные испытания и годы. Но одно можно сказать: если мы сохраним землю, если сохраним крестьянина,— то выживем. Если нет — нет исхода.

И мне кажется, что очень хорошо было бы новому нашему аграрному комитету заимствовать многое-многое — не буду сейчас конкретизировать этот вопрос,— заимствовать из опыта работы русского земства. Ведь это был необыкновенно демократический общественный организм. И, может быть, нынче часть средств, которые мы направляем на здравоохранение и на просвещение, на дорожное строительство, передать непосредственно вот этим аграрным комитетам, если они разовьются. Они этими средствами распорядятся лучше, чем кто-то распорядится ими из центра. У нас то и дело создается прямо-таки фантазмагорическая обстановка. С одной стороны, запускаем "Буран", а с другой — в эти же самые дни какая-нибудь "тетя Мотя" забыла закрыть задвижку и 55 минут поливает пожар горючим из лопнувшего трубопровода, что около Уфы.

Такое сочетание. И очень часто мы никак не можем выбиться из тех проблем, из тех кризисов, которые никто нам не создает. Мы создаем их сами своими руками. В связи с этим как не вспомнить очень злого человека, каким был Черчилль. Но он, наверное, правильно сказал, во всяком случае надо учесть его слова о том, что большевики с успехом преодолевают те самые трудности, которые сами себе создают.

Вот, скажем, мы говорим о проблеме Арала. Это же, товарищи, мировая катастрофа. Вот тут прозвучали слова депутата Каипбергенова по этому пово-

ду, но никто не задумался, или, может быть, задумался, но как-то не высказался до конца о том, что это катастрофа, какой, может, в мире до сих пор еще и не было. Вы думаете, что, может быть, это просто какой-то нечаянный просчет: что вот хотели получить одно, а получили другое? Не знаю, так ли это. Не знаю, как расценивать этот факт. Я могу думать и о том, что ведь эта катастрофа была запланирована. Когда возник этот проект, все эти работы по Аралу, то ученые предупреждали, скажем, академик Дородницын, что нельзя строить плотину на Амударье. Ее построили. Заранее было сказано проектировщикам: пусть Арал красиво умирает. Вот он и умер. Только некрасиво. Заранее было сказано: если нужно будет, разберем на орошение Арал до последней капли. Вот и разобрали. Так какая же цена нашему планированию, если мы предвидим вот такие последствия и все-таки идем вперед, пробиваем лбом все препятствия, чтобы сделать никуда не годное дело? У меня в связи с этим есть прямой запрос в Минводхоз. Теперь его нет, тогда в Совмин. Кто-то виноват в этой катастрофе или виновных нет? Давайте все-таки определимся. Кто это сделал? Почему? Чтобы не повторять таких горестных событий. Тут не надо каких-то репрессий. Я не за это, но я за то, чтобы мы знали всех "героев нашего времени".

Вот сейчас создается другая комиссия по спасению Арала. Кому эту комиссию придали? Союзгипроводхозу. Той самой организации, которая погубила Арал. Разве можно в награду за погубление еще получать новые миллиарды? Кроме того, спасение Арала сейчас состоит вовсе не в гидротехнических мероприятиях. Там нужна агро-, лесо-, химическая мелиорация. Там должны работать учреждения типа Гипрозема, а не строители-гидро-

техники. Тут нужна как раз та мелиорация, которую Минводхоз (он теперь переименован) презирал и давал 2-3 процента средств на мелиорацию как таковую, а все остальное тратил — на гидротехническое строительство, на каналы, которые в 10 раз выгоднее для строителей. И мы снова тем же людям поручаем это дело? Таким, как Воропаев? Очень сомнительное решение.

Мы затратили на мелиорацию через бывший Минводхоз за 20 лет 130 млрд. рублей. Если бы мы эти 130 миллиардов отдали не ведомству, а непосредственно тем колхозам и совхозам, хозяйствам, которые сами распорядились бы этими деньгами, было бы больше пользы. У нас любое мероприятие обязательно проходит через ведомство. Почему?

Мне все время говорят о том, что я против мелиорации. Я не против. Я за ту мелиорацию, которую хотят сами хозяйства. Но я против той мелиорации, которую им навязывают. Вот и все. Вот и сейчас целый ряд таких проектов мы навязываем нашему крестьянству, нашему сельскому хозяйству. Нам надо избежать этого порядка, иначе дело кончится плохо. Я против меченых денег. У нас отпускаются, скажем, на какое-то министерство, на ту же самую мелиорацию миллиарды (в два раза больше, чем на здравоохранение), и никто другой ни на что их не может истратить. Но ведь это же неправильно: из центра вот так все распределять до последней копейки. Еще раз повторяю: отдайте деньги потребителю, непосредственно хозяевам, а они сами знают, что им делать. Или мелиорацию развивать, или животноводство — это их дело. И в этом смысле я вполне согласен с товарищем Шмелевым, который говорил о роли банков. Опять-таки можно вспомнить дореволюционный земельный банк, который субсидировал сельских хозяев и

субсидировал только в соответствии с их запросами, истинными, но не с теми, которые мы им навязываем.

Мне кажется, что в нашей экономике очень не хватает,— мы просто даже на этом Съезде не слышали об этом — о значении кредитной системы. А без этого как можно планировать и распределять средства?

У нас нет экологического законодательства, только что об этом было сказано тов. Яблоковым. Товарищи, в ста странах оно уже есть, более чем в ста, а у нас его до сих пор нет. И у нас его в скором времени и не будет, наверное, потому, что мы до сих пор не установили форм собственности. А какие могут быть экономические или экологические законы, если не установлена та или иная форма собственности? Любой закон — это прежде всего регулирование собственности. И мне кажется очень полезным продумать предложение, тут прозвучавшее, о том, чтобы, может быть, землю продавать в частные руки. А что особенного, если 5, скажем, процентов нашего земельного фонда будет кому-то принадлежать? Пусть частник конкурирует, пусть работает, пусть вкладывает деньги в свое дело.

Очень большую роль в экологическом движении у нас играет и должна играть общественность, но мы не научились ее слушать, это широко развитое движение, мы пренебрегаем мнением прежде всего очень многих компетентных людей. Говорят, что общественность — это дилетанты. Ничего подобного, потому что в понятие "общественность" включаются и всякого рода специалисты и ученые, и она подчас бывает более компетентной, чем ведомства. Приведу вам еще и такое соображение. Я довольно давно занимаюсь вопросами экологии, но

впервые столкнулся с ведомствами в 1962 году, когда разрабатывался проект затопления всей Западно-Сибирской низменности при строительстве Нижне-Обской ГЭС. Если бы проект осуществился, то были бы затоплены или все наши теперешние богатства нефти и газа, или в значительной их части. Мы затопили бы площадь в 135 тыс. кв. км, то есть равную Чехословакии. И вот теперь я снова сталкиваюсь с этими проектами.

Вы знаете, товарищи, когда было проще решать эти проблемы — тогда или сейчас? Как это ни странно, мне тогда было легче. Почему? Тогда ведомства, чиновники не были так изощренны, как сейчас. Во-первых, они боялись начальства, во-вторых, они боялись прессы. Сейчас наши ведомственные работники ничего на свете не боятся. И вот, когда я предлагаю одному высокопоставленному лицу встретиться на телевидении и поговорить о наших экологических проблемах, он мне отвечает так: а я не желаю принимать участия в этом шоу. Вот вам и оценка общественного мнения и нашего участия в общественной жизни. В то же самое время мы губим целый ряд прекрасных общественных начинаний. В Волгограде, например, одна группа инженеров во главе с тов. Трегубовым, стаж у каждого из них 30—40 лет, больше половины их — Герои Социалистического Труда — рассылает по всем адресам, в том числе и в Совмин, прекрасные и точные заключения. Это общественная экспертиза, которая стоит, если ее исполнить в официальном порядке, колоссальных денег, она сделана исключительно добросовестно. И что? А ничего. Все это где-то тонет. Неужели опять мы будем пренебрегать опытом этих опытейших строителей? Я во многих странах бывал, на гидротехнических стройках бывал и думаю, что я никогда и нигде не встре-

чал таких специалистов, как вот эта волгоградская группа.

Я хотел бы сказать о том, что у нас ненормально работает Госплан. Госплан — это штаб нашего социалистического хозяйства. Но во что он превратился? Не он командует министерствами, а министерства теперь командуют им. Именно через Госплан наши ведомства становятся государством. Когда проектировалась Волховская ГЭС, Госплану была поручена разработка исходных данных, а он уже на этой основе давал заказы синдикатам и строителям. А сейчас у нас Госплан превращен в ведомство распределительное, он распределяет бюджет, и только. Спасибо за внимание.

СУЛЕЙМЕНОВ О. О.

*(Аягузский территориальный избирательный округ,
Семипалатинская область)*

Мы, литераторы, говорим не только о цветочках, но больше о ягодках. Среди многих аспектов перестройки для меня главный — продолжение процесса деколонизации, замороженного в 20-е годы. И он происходит со всеми проявлениями, характерными для этого процесса.

Оригинальность исторической ситуации в том, что бывшая метрополия — Россия наравне с другими республиками сама стала колонией центра. Мы пересматриваем в новом свете привычное. Интересы государства всегда были выше интересов народа и личности. Я избирался в Семипалатинской области, на земле древней исторической традиции. Там рождались великие казахские писатели, эти степи и горы — наши Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы. И именно в этих местах действует атомный полигон.

В Соединенных Штатах один полигон, в Китае — один, другие страны испытывают заряды за тысячи миль от своих территорий, выплачивая компенсацию жителям атоллов. В СССР несколько полигонов. Самый старый — семипалатинский. И самый активный: 18 взрывов в год. Находится практически в центре страны. 15 лет производи-

лись открытые испытания на земле и в атмосфере. В этом районе взорвано зарядов суммарной мощностью в 2,5 тысячи хиросимских бомб, по самым скромным подсчетам. Могло ли это пройти бесследно для здоровья населения районов, окружающих объект? Даже если официальные специалисты говорят — да, мы не верим. Эксперты общественного движения Невада — Семипалатинск располагают другими данными, более страшными. Третье Главное управление Минздрава СССР держит в тайне материалы исследований. В Хиросиме и Нагасаки ныне, пожалуй, самый высокий в мире показатель средней продолжительности жизни — благодаря направленному подъему уровня здравоохранения, социальной сферы в этих городах, от них — по всей Японии. Надо признать, наше государство проявляло меньше сочувствия и уважения к своим гражданам. В районах, окружающих полигон, за 40 лет испытаний за счет центра не построено ни одного здравпункта, не оборудована ни одна сельская больница, не говоря уже о другом. Последствия открытых взрывов еще долго будут сказываться на здоровье всей страны. В 1963 году было наконец подписано соглашение о прекращении испытаний в нескольких сферах. Справедливости ради надо воздать должное позиции наших ученых и особенно академика Сахарова, убедивших правительство настаивать на таком соглашении. Это случилось после испытаний самой мощной водородной бомбы в 60 мегатонн. Ученые увидели, какой кошмар готовит миру их изобретение, в котором совместились гений и злодейство, с нарастающим преобладанием последнего. Это сочетание теперь видится даже в том, что организаторами семипалатинского полигона приказано было стать Курчатову и Лаврентию Берии.

И подземные взрывы тоже небезопасны, о чем говорит выброс радиоактивных газов 12 февраля этого года. Подобное случалось и раньше, например прошлым летом. Тысячи детей в один день слегли с поспешно поставленным диагнозом ОРЗ, кровотечением из носа, головокружением и прочими признаками, весьма характерными не только для насморка.

Мир меняется. У нас становится меньше врагов на Западе и на Востоке, значит, меньше расходов на оборону. Советские мировые арсеналы переполнены, ядерные щиты в супердержавках приобрели колоссальные размеры и способны сокрушить тех, кого призваны защищать. Заявление Михаила Сергеевича Горбачева в лондонском Гилтхолле, что страна прекращает производство расщепляющихся материалов, прибавило надежды на безъядерный XXI век, прибавляет уверенности, что мы станем мирным государством.

О том, что в стране новая ситуация, что центр уже слышит нас, можно судить по такому факту. Рождение движения Невада — Семипалатинск привело к приостановке испытаний. Полигоны вот уже четвертый месяц молчат. Хрупкое молчание. Мы очень надеемся, что правительство и общественное антиядерное движение в странах атомного клуба услышат нас, поймут и поддержат, создадут условия для подписания окончательного соглашения о запрещении испытаний во всех сферах.

После 19-й партконференции теперь особенно очевидно, что наше развитие будет все больше зависеть от степени открытости диалога народа и государства, в процессе которого должны совершенствоваться порой разные позиции. Стоит помнить, что беды страны начались на исходе 20-х годов именно с преследования инакомыслия. Чтобы де-

мократизация и гласность продолжались, важно законодательно высказать государственное отношение к инакомыслию. Признать его творческим фактором, а не враждебным. Необходимо в резолюции или в отдельных документах осудить преступления сталинской клики против социализма, в частности такие, как физическое истребление оппозиции. Объявить преступной левацкую теорию и практику "бурного развития", проявившуюся в темпах и методах печально известных реформ. Сколько раз свежие ветры перемен в результате подобных "ускорений" превращались в сокрушительные ураганы. Казахи в войне потеряли 350 тысяч жизней, а в так называемые периоды "бурного ускорения" — более 4 миллионов. Каждый народ может вспомнить подобное в своей биографии. История бессмысленно повторяется, если ее уроки не идут впредь. Надо, наконец, издать "белую" или, вернее, "черную" книгу сталинского произвола с данными по всем республикам.

Мы не хотим огульно отказываться от всей нашей истории. Ведь, кроме темного, в ней были наработаны общие духовные ценности, наряду с печальным есть позитивный опыт, который необходимо сохранить и продолжить. Но именно поэтому надо отделить чистое от кровавого. Да, миллионы уходили безгласно. Сегодня память кричит о них, сегодня мы в состоянии осудить произвол. Это свидетельство скорости развития нашей морали и правового сознания. Алма-атинские студенты и рабочие первые в стране провели несанкционированные митинги. Если бы алма-атинские события декабря 1986 года были широко, демократично обсуждены и поняты, возможно, не случилось бы 9 апреля в Тбилиси. Я считаю, было бы правильным рассмотреть обстоятельства алма-атинского трагиче-

ского инцидента в свете нового гуманистического подхода. Передаю все телеграммы и письма в соответствующую комиссию Верховного Совета, где готов выступить с докладом по этому вопросу. И призываю своих земляков — казахов, русских, немцев, украинцев, уйгур, корейцев, турок, все испытавший народ Казахстана понять серьезность момента, поверить в то, что справедливость возможна, если мы сохраним выдержку и понимание ценности наших общих интересов.

Сколько боли накопилось в стране, какая сильная отдача. Нет ни одного народа, в чьем сознании не кровоточат раны. У многих из нас на руках кричащие требования турок-месхетинцев, крымских татар, абхазцев, ингушей, чеченцев, гагаузов. Комиссии Верховного Совета по межнациональным отношениям предстоит огромная работа, и надо, чтобы до следующего Съезда хотя бы некоторые из этих трудностей были преодолены. Все ту же затягивается карабахский узел, подключаются все более масштабные факторы: этнические, религиозные и другие. Академик Лихачев справедливо говорил о роли культуры в межнациональных спорах. Эта роль ограничена без полного, объемного знания истории вопроса. Односторонне направленные знания, которыми воспитывались народы, — причина многих национальных обид и амбиций. Нужно издавать специальную серию сборников, документов по этим горячим темам. Культура предполагает шаги навстречу друг другу. В такой сборник надо бы, кроме объективных исторических сведений, включить и жестокую правду о Сумгаите, и сообщение о катастрофе самолета из Баку, где летели на помощь пострадавшим от землетрясения 50 воинов-азербайджанцев, вызвавшихся помочь соседям в беде. Эти ребята хотели внести свой вклад в

дело восстановления дружбы, и они внесли, что смогли,— свои жизни. Памятника им нет, имена их не прозвучали в прессе, об их участии знают только матери. Таких безвестных фактов благородства, наверное, много, надо их постоянно оглашать. Чтобы мы учились сострадать друг другу. Не случайное произошло в Узбекистане, не случайное — в Башкирии. Знамение, тягостная, страшная метафора, которую нам дано прочесть. Очевидно одно: нельзя нагнетать давление, когда столько дырявых трубопроводов в стране. Сгущенное горючее вещество национальной и социальной неудовлетворенности течет к дорогам, по которым идут поезда с детьми. Пусть детям и внукам в наследство не передается ожесточение. Мы заслужили право, а они просто обязаны быть счастливыми. Спасибо.

ЯКУБОВ А.

(от Союза писателей СССР)

Дорогие товарищи! Время дорого, поэтому всю умную часть своего выступления о высоких, глобальных проблемах я опускаю. Перехожу к делу. Среди многих ценностей, которые мы все больше теряем в течение долгих 70 лет из-за нашего вечно-го неустройства быта, недоедания, из-за унижающих человеческое достоинство километровых очередей, есть одно, трудно восполнимое. Это потеря самых благородных из людских качеств — милосердия и сострадания. Их вытесняют ожесточение, нежелание выслушивать друг друга, сочувствовать чужой беде.

В пятницу, проходя мимо двух очень хорошеньких, милостивых женщин в фойе, я невольно услышал такой разговор. "Чего это узбеки все талдычат о своем хлопке?"— сказала одна. "Надоело, ничего духовного в них нет",— добавила другая. И я с горечью подумал: так кто же виноват в том, что некогда мужественный, гордый наш дехканин и его чернобровая красавица жена оказались в такой трагической ситуации?

Но откуда им быть духовно развитыми, когда из-за печально знаменитого лозунга "отца всех времен и народов" Сталина о хлопковой независимости страны они лишились всего? Вся их земля, сот-

ни тысяч гектаров чудесных фруктовых садов, вечнозеленых люцерновых полей и даже тенистые ореховые и миндалевые рощи — все было жестоко вырублено и перепахано под неблагодарный, как сказал уважаемый Чингиз Айтматов, хлопок. Страна получила долгожданную хлопковую независимость, а заодно и баснословное богатство. Ну а что досталось нашему дехканину, его жене и детям? Разве что двенадцатичасовой жестокий труд под палящим южным солнцем, без выходных, без праздников, без отпусков.

Из огромного потока сенсационных материалов в печати, градом посыпавшихся на республику, полагаю, вы до копейки уже сосчитали, сколько себе присвоил денег каждый из наших казнокрадов. Казнокрадов надо карать. Тут двух мнений не может быть. Но кто из людей, не живущих в Узбекистане, положив руку на сердце может с чистой совестью сказать, в каком положении оказался наш хлопкороб из-за этого самого неблагодарного хлопка, который, по утверждению Госплана, является стратегическим сырьем, приносит государству огромный доход, составляет львиную долю инвалютных поступлений и без которого, по признанию того же Госплана, не может обойтись государство? В каких условиях живут этот дехканин и его несчастная жена, подавленная нещадным трудом? Сколько получают эти люди?

Наши женщины заняты неженским трудом под излучающим радиацию солнцем. Это солнце, да еще бездумное злоупотребление ядохимикатами привели к резкому росту раковых, желтушных, кишечных и женских заболеваний, к женской и детской смертности.

А как устроен их быт? Устроен так, что наши хлопкоробки, возвращаясь в сумерки с поля, варят

детям похлебку, растапливая свой очаг допотопным грязным кизяком. И трудно без слез смотреть на этих черных, чем-то напоминающих опаленные пожаром березки женщин, в которых не осталось ничего женского — ни грудей тебе, ни курдюка,— на их глаза, полные безысходной тоски и печали.

Я отдаю себе отчет в том, что всем крестьянам страны трудно, русским крестьянам особенно, и я рад, что наше правительство принимает кардинальные меры для выправления этого положения. Но при всем этом хлопок — это, товарищи, особая статья. Вспомним тех белых жестокосердных фермеров с юга Америки, которые, не желая работать на хлопковых плантациях, оберегая своих жен и детей от этого нечеловеческого труда, вывозили из Африки сотни тысяч негров в кандалах. Но, справедливости ради, вспомним и то, что, движимые целью не работать и оберегать своих детей от тяжелого труда на этих хлопковых плантациях и заполучить здоровое рабочее потомство рабов, эти жестокие фермеры досыта кормили их. И вымахивали двухметровые чернокожие здоровяки, потомки которых составляют сегодня цвет американского спорта, да и искусства тоже.

А наши кишлачные дети? Да что говорить о спорте, об их духовном развитии? Из-за недоедания (20 килограммов мяса на душу), из-за детского труда их уже не берут в армию, а если и берут, то только в стройбаты. Так вот, после этого далеко не полного рассказа о драматическом положении нашего дехканина я хочу обратиться к Вам, уважаемый Николай Иванович: правда ли утверждение Госплана о том, что стране так нужен хлопок, что он является стратегическим сырьем и дает львиную долю валютных поступлений? А если это

правда, то почему цена на хлопок у нас является самой низкой в мире?

Ведь еще по дореволюционным, Николай Иванович, "Туркестанским ведомостям" известно, что русский купец (тот самый, который завез в наш край эту неблагодарную культуру) давал за пуд хлопка 18 пудов пшеницы. А наше родное социалистическое государство платит в среднем 50 копеек за килограмм, ровно столько, сколько стоят полкилограмма огурцов на Алайском рынке в Ташкенте (не забудем, товарищи, что из ткани, полученной из килограмма хлопка, шьют две сорочки стоимостью по меньшей мере 50 рублей).

Еще в исторических анналах сказано, что Средняя Азия по своим климатическим и природным условиям не имеет себе равных в мире, что здесь выращиваются сладчайшие на планете фрукты и овощи, что дыни и арбузы за свой вкус и аромат не имеют цены.

За семьдесят лет существования нашего государства в результате бездумной, антинаучной, жестокой эксплуатации природных богатств наш край оказался на грани экологической катастрофы.

Товарищи, вчера вы не до конца выслушали меня, вернее ту мысль, которую высказал академик Аганбегян. Позвольте мне ее повторить. Академик Аганбегян на совещании в ЦК КПСС в прошлом году, посвященном проблеме Арала, сказал, что никто не знает подлинную причину тех аномалий, которые произошли в Узбекистане с природой, с землей, с народом, наконец. И Госплан, и Госагропром страны, сказал он, ставя перед республикой те или иные задачи, плавают в тумане. Поэтому, предложил академик, необходимо создать чрезвычайную авторитетную экономическую комиссию, состоящую из крупнейших ученых — экономистов,

экологов, медиков, специалистов сельского хозяйства, которая после глубокого изучения дел представила бы правительству полную и ясную картину того, что происходит в Узбекистане.

Я убежден, что Узбекистан может прокормить полстраны, товарищи, и не в отдаленном будущем, а в ближайшие годы. Для этого надо решительно освободить республику от засилья монокультуры, а трудолюбивому народу помочь отойти от шока застойных лет и расправить плечи.

Время истекло, я на этом кончаю. А мое предложение о создании чрезвычайной комиссии прошу принять. Спасибо.

СОДЕРЖАНИЕ

Лихачев Д. С.	3
Каипбергенов Т.	10
Олейник Б. И.	16
Власов Ю. П.	24
Друцэ И. П.	34
Лиханов А. А.	44
Белов В. И.	53
Черниченко Ю. Д.	61
Евтушенко Е. А.	70
Айтматов Ч.	79
Петерс Я. Я.	89
Карякин Ю. Ф.	97
Миннуллин Т. А.	102
Кугультинов Д. Н.	110
Распутин В. Г.	116
Шмелев Н. П.	127
Зальгин С. П.	140
Сулейменов О. О.	147
Якубов А.	153

С48 Слово писателя: выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР /Сост. Г. Иванов.— М.: Худож. лит., 1989.— 158 с.

ISBN 5-280-01337-4

В сборник вошли выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР, который состоялся в мае — июне 1989 года. Тексты публикуются по стенографическому отчету, опубликованному в "Известиях", и в той последовательности, в которой предоставлялось слово.

С 4702010201-392 без объявл.
028(01)-89

ББК 84Р7

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Выступления писателей на Съезде народных депутатов СССР

Редакторы Р. Ф а т к у л л и н а, С. Г а н н е в

Художественный редактор А. О р л о в

Технический редактор Л. К о в н а ц к а я

Корректоры Г. К и с е л е в а, М. М а к а р о в а

Оригинал-макет издания изготовлен в издательстве
с использованием персональных ЭВМ.

Операторы Н. А н д р е в а, А. Р у с а н о в а,
А. Ш а р о н о в а

ИБ N 6044

Сдано, в набор 14.06.89 г. Подписано в печать 22.06.89 г. Формат 70x100^{1/32}. Бумага кн.-журн. Гарнитура "Тип. Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,48. Усл.кр.-отт. 6,8. Уч.-изд. л. 6,07. Тираж 10000 экз. Изд. N IV-3659. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Художественная литература". 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Московская типография N 4 при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46. Зак.2298

35 коп.

С Л О В О П И С А Т Е Л Ъ